

Гюстав Лебон

# Психология социализма



# Гюстав Лебон

## Психология социализма

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8522264](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8522264)

### Аннотация

«Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом. Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губительных социалистических и политических увлечений.

Гюстав Лебон – известный автор более чем двадцати ученых трудов по физикохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии. Энциклопедичность автора и творчество его – поистине поразительны. Книга «Психология социализма» является одним из позднейших его трудов, изданных вслед за трудами «Психология воспитания» и «Психология толпы»...»

## Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
КНИГА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ	11
ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СОЦИАЛИЗМА И ИХ УМСТВЕННЫЙ СКЛАД	30
КНИГА ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ КАК ВЕРОВАНИЕ	41
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОСНОВЫ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ	41
ГЛАВА ВТОРАЯ. РОЛЬ ПРЕДАНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ	48
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРЕМЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПРИНЯТЬ ФОРМУ ВЕРОУЧЕНИЯ	54
КНИГА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИЗМ У РАЗНЫХ РАС	63
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

# ГЮСТАВ ЛЕБОН

## ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛИЗМА

### ПРЕДИСЛОВИЕ

#### ПРЕДИСЛОВИЕ (1908)

Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом. Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губительных социалистических и политических увлечений.

Гюстав Лебон – известный автор более чем двадцати ученых трудов по физиохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии. Энциклопедичность автора и творчество его – поистине поразительны. Книга «Психология социализма» является одним из позднейших его трудов, изданных вслед за трудами «Психология воспитания» и «Психология толпы».

Книга «Психология социализма», по отзыву известного социалиста Сореля, «представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме, заслуживающую большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления». И действительно, содержание этой книги очень оригинально и поражает силой и убедительностью приводимых доказательств, при полной объективности исследования. Разбор социальных явлений относится почти исключительно к жизни западных народов, и потому книга эта особенно полезна для русского читателя, как постороннего беспристрастного зрителя, могущего найти в ней внушительное и поучительное предостережение. Книга эта напоминает исторические примеры того, как опасны увлечения социалистическими утопиями вообще, и с полной несомненностью выясняет губительное значение всяких революций.

Кроме того, эта книга представляет большой педагогический интерес. В ней автор рассматривает значение воспитания и сравнивает характеры его у народов латинской и англосаксонской рас; выясняет вред чрезмерной книжности и теоретичности обучения и силу истинного патриотизма, без которого не может быть прочным никакой народ.

Затронут в этой книге вопрос и о великом значении для народа армии, сильной прежде всего духом, хорошо обученной и дисциплинированной; вполне выяснена вся утопичность входящего ныне в моду антимиитаризма.

Разобраны также и другие явления государственной важности, относящиеся к области земледелия, промышленности, торговли, финансов и т. д.; выяснены условия, при которых данная страна может процветать, и причины, ведущие страну к упадку.

Встречаются, однако, в этой книге и слабые места в отношении глубины и полноты исследования, но таких мест очень мало, и касаются они большей частью не первостепенных вопросов. Из крупных же вопросов, разбор которых мало обоснован, можно отметить разве что один: равнение христианского социализма с социалистическими утопиями. Здесь субъективность суждений автора взяла перевес над объективностью, и для восстановления равновесия пришлось сделать подстрочное примечание.

Несмотря на эти недочеты, книга в общем сохраняет свои достоинства. Общий характер и спокойный тон исследования, при общедоступной форме изложения, настраивают ум

«осторожным выводам, свободным от всякой предвзятости и страстности, углубляют мысль до самых корней изучаемых явлений.

Первое издание полного русского перевода этой книги в количестве 3.200 экземпляров разошлось в очень короткий срок.

С. Будаевский, 1908 г.

## **ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ**

Социализм представляет собой совокупность стремлений, верований и реформаторских идей, глубоко волнующих умы.

Правительства опасаются его, законодатели щадят, народы видят в нем зарю новой судьбы.

В этом труде, посвященном изучению социализма, найдут применение принципы, изложенные в моих последних книгах «Законы эволюции народов» и «Психология толпы». Лишь кратко касаясь подробностей доктрин, чтобы удержать в памяти только их сущность, мы рассмотрим причины, породившие социализм, и причины, замедляющие его распространение или благоприятствующие ему.

Мы покажем конфликт между прежними идеями, укоренившимися наследственно, на которых еще покоятся общества, и идеями) новыми, возникшими в новых средах, созданных современной научной и промышленной эволюцией, Не оспаривая законности стремлений; большинства людей улучшить свою участь, мы исследуем, могут ли иметь учреждения действительное влияние на это улучшение, или же наши судьбы управляются роковой необходимостью совершенно независимо от учреждений, которые может создать наша воля.

Социализм не имел недостатка в защитниках, писавших его историю, в экономистах, оспаривавших его догмы, и в проповедниках его учения, лишь психологи пренебрегали до сих пор изучением его, видя в нем один из таких неточных и неопределенных предметов, как богословие или политика, которые могут лишь дать повод к страстным и бесплодным спорам, вызывающим отвращение у ученых умов.

По-видимому, однако, лишь внимательная психология может показать происхождение новых доктрин и объяснить влияние, какое они производят как в народных слоях, так и среди некоторых культурных умов. Нужно проникнуть до самых корней событий, протекающих перед нами, чтобы понять сам ход и расцвет наблюдаемых явлений.

Ни один апостол никогда не сомневался в будущности своего вероучения, поэтому и социалисты убеждены в близком торжестве своих доктрин. Такая победа необходимо вызывает разрушение настоящего общества и переустройство его на других началах. Нет ничего проще, по мнению последователей новых догм, как это разрушение и переустройство. Очевидно, что насильем можно расстроить общество, как можно в один час уничтожить огнем долго строившееся здание. Но наши настоящие знания об эволюции вещей позволяют ли допустить, что человек может восстановить по своему желанию разрушенную организацию? Стоит лишь немного вникнуть в сам процесс образования цивилизаций, как тотчас же обнаруживается, что во всяком обществе учреждения, верования и искусства представляют собой целую сеть идей, чувств, привычек и приемов мышления, укоренившихся наследственным, путем и составляющих вместе силу общества. Общество только тогда сплочено, когда это моральное наследство упрочилось в душах, а и в кодексах. Общество, приходит в упадок, когда эта сеть расстраивается. Оно осуждено на исчезновение, когда эта сеть приходит в полное разрушение.

Такой взгляд никогда не оказывал влияния на писателей и государственных людей латинской раем. Убежденные в том, что естественные законы могут изгладиться перед их идеалом нивелировки, законности и справедливости, они полагают, что достаточно выду-

мать умные учреждения и законы, чтобы пересоздать мир. Они еще питают иллюзии той героической эпохи революции, когда философы и законодатели считали непреложным, что общество есть вещь искусственная, которую благодетельные диктаторы могут совершенно пересоздавать.

Такие теории, по-видимому, теперь очень мало состоятельны, тем не менее не нужно пренебрегать ими. Они побуждают к таким действиям, влияние которых весьма разрушительно и, следовательно, очень опасно. Созидательная сила покоится на времени и не подчинена непосредственно нашей воле. Разрушительная сила, напротив, в нашей власти. Разрушение общества может совершиться очень быстро, но восстановление; его происходит всегда очень медленно. Иногда нужны человеку века усилий для восстановления того, что он разрушил в один день.

Если мы желаем понять глубокое влияние современного социализма, то не нужно изучать его догмы. Исследуя причину его успеха, приходишь к заключению, что последний совсем не зависит от теорий, которые проповедают эти догмы, и от внушаемых ими отрицаний. Подобно религиям, приемы которых социализм все более и более стремится усвоить, он распространяется отнюдь не доводами разума, а совсем иначе. Являясь очень слабым, когда пытается спорить и опираться на экономические соображения, он становится, напротив, очень сильным, когда остается в области уверений, мечтании химерических обещаний. Он был бы даже еще страшнее, если бы не выходил из этой области.

Благодаря его обещаниям возрождения; благодаря надежде, зажигаемой им у всех обездоленных, социализм начинает представлять собой гораздо более религиозное верование, чем доктрину. А великая сила верований, когда они стремятся облечься в ту религиозную форму, строение которой мы изучали в другом труде, состоит в том, что распространение их не зависит от той доли истины или заблуждения, какую они могут в себе содержать. Лишь только верование запало в души» неясность его не обнаруживается более, ум уже не касается его. Одно лишь время может ослабить его.

Такие глубочайшие мыслители, как Лейбниц, Декарт, Ньютон, безропотно преклонялись перед религиозными догмами, слабость которых скоро показал бы им разум, если бы они могли подчинить их контролю критики. Но то, что вошло в область чувства, уже не может быть уничтожено рассуждением. Религии, действуя только на чувства, не могут быть потрясены доводами разума, и потому влияние их на души было всегда столь решительным.

Современный век представляет собой один из тех переходных периодов, когда старые верования потеряли свою силу и когда те, которые должны были заменить их, не установились. Человеку еще не удавалось обходиться без верований в божество. Оно иногда низвергается со своего престола, но этот престол никогда не оставался незанятым. Вскоре из праха умерших богов появляются новые призраки.

Наука, поборовшая веру в богов, не может оспаривать их огромную власть. Еще ни одна цивилизация не могла основаться и развиваться без них. Самые цветущие цивилизации всегда опирались на религиозные догмы, которые с точки зрения разума не обладали ни малейшей частицей логики, правдоподобности или даже простого здравого смысла. Логика и разум никогда не были настоящими руководителями народов. Неразумные всегда составляло один из самых могучих двигателей человечества.

Не при посредстве разума был преобразован мир. Религии, основанные на вздорных представлениях, наложили свой неизгладимый отпечаток на все элементы цивилизации и продолжают подчинять огромное большинство людей своим законам; философские же системы, основанные на доводах разума, сыграли лишь незначительную роль в жизни народов и имели непродолжительное существование. Они на самом деле дают толпе только доводы, тогда как душа человеческая требует лишь надежд.

Эти-то надежды всегда и внушались религиями, которые создавали, вместе с тем, идеал, способный обольщать и возвышать души. Именно эта магическая сила надежд и создавала самые могущественные царства из ничтожества, творила чудеса литературы и искусств, составляющих общую сокровищницу цивилизации.

Так же предлагает надежды и социализм, и, это составляет его силу. Верования, которым он учит, очень фантастичны и, по-видимому, едва ли могли рассчитывать на распространение; тем не менее, они распространяются. Человек обладает чудесной способностью преобразовывать вещи по воле своих желаний, познавать вещи только сквозь ту магическую призму мысли и чувств, которая представляет мир таким, каким мы желаем его видеть.

Каждый сообразно своим мечтаниям, твоему честолюбию, своим желаниям, видит в социализме то, чего основатели новой веры никогда не думали в него вкладывать. Священник открывает нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжелого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недовольных (а кто теперь к ним не принадлежит?) надеются, что торжество социализма, будет улучшением их судьбы. Совокупность всех этих мечтаний, всех этих недовольств, всех этих надежд придает новой вере неоспоримую силу.

Для того, чтобы современный социализм мог так скоро облечься в эту религиозную форму, Составляющую тайну его могущества, необходимо было, чтобы он явился в один из тех редких моментов истории, когда люди, изверившись в своих богах, утратили свои старые религии и живут только в ожидании новых верований.

Явившись как раз в то время, когда власть старых божеств значительно поблекла, социализм, также дающий человеку мечты о счастье, естественно, стремится занять их место.

Ничто не указывает, что ему удастся занять это место, но все показывает, что он не может долго сохранять его.

*Г. Лебон*

## **ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ**

Первое издание этой книги разошлось в течение нескольких недель, в пришлось выпустить второе без всяких изменений. Третье издание, напротив, подверглось существенной переработке. Не нахожу нужным отвечать критике, вызванной этим трудом как во Франции, так и в странах, где появился его перевод, В вопросах, относящихся гораздо более к области чувств, чем разума, нельзя рассчитывать на изменение чьего-либо образа мыслей. Перевоороты в области мысли никогда не совершаются книгами.<sup>1</sup>

Не принадлежа ни к какой школе и не помышляя заслужить одобрение одной из них, я пытался изучить общественные явления подобно тому, как изучаются физические, стараясь возможно менее впадать в ошибки.

Некоторые места этой книги по своей неизбежной краткости кажутся несколько догматичными, чего не следует, однако, заключать относительно самих изложенных мыслей. Одна из последних глав посвящена доказательству того, что в некоторых вопросах возможны только вероятные, но отнюдь не достоверные заключения.

Иногда, в этой книге я как будто уклоняюсь от предмета моего исследования, но это необходимо потому, что происхождение некоторых явлений, сам процесс их развития не

---

<sup>1</sup> Ничуть не рассчитывая разубедить кого-либо из социалистов, я, однако, думаю, что эта книга не будет для них бесполезна. Думаю так на основании статей об этой книге, особенно статьи наиболее сведущего социалиста Ж. Сореля, который, между прочим, говорит: «книга Гюстава Лебона представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме; работа эта заслуживает большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления».

могут быть поняты без предварительного изучения обстоятельств, среди которых явление возникло и развивалось. В вопросах религии, нравственности и политики изучение самого текста той или другой доктрины вовсе не имеет преобладающего значения, как могло бы казаться. Важнее всего знать среду, в которой доктрина развивается, знать чувства, на которых она зиждется, и характер умов, воспринимающих ее. В эпоху торжества буддизма и христианства догмы этих верований представляли малый интерес для философа, но ему было бы весьма интересно познакомиться с причинами укоренения их, т. е. с состоянием усвоивших эти догмы умов. Всякая догма, как бы ни была она несостоятельна с точки зрения разума, всегда восторгается, если ей удалось изменить известным образом направление умов. В этом изменении сущность самой догмы нередко играет второстепенную роль. Торжество догмы происходит под влиянием подходящей среды, удобного момента, возбуждаемых ею страстей и главным образом от влияния проповедников, умеющих говорить толпе, зажигать в ней веру. Последняя вызывается действием отнюдь не на разум, а только на чувства. Вот почему проповедники вызывают большие народные религиозные движения, создающие новых богов.

Поэтому-то я убежден, что не выхожу из рамок моей задачи, принимая в основание при изложении некоторых глав этой книги наши верования, значение традиций в жизни народов, зачатки творческих основ в душе латинского народа, экономическое развитие в настоящее время и еще другие вопросы. Все это и представляет существенную часть данного исследования.

Немного страниц этого труда посвящено собственно изложению социалистических доктрин. Они столь неустойчивы, что бесполезно вести о них какие-либо споры. Эта изменчивость, впрочем, по общему закону, составляет необходимый признак всех новых верований. Религиозные догмы приобретают полную определенность только после своего торжества. До этого момента они блуждают в неопределенных формах. Эта-то неопределенность и есть залог успешного распространения их, так как придает им способность приспосабливаться к самым разнообразным нуждам и тем удовлетворять бесконечно разнообразные вожеления легионов недовольных, число которых в некоторые моменты истории бывает очень велико.

Социализм, как попытаемся это показать, может быть отнесен к классу религиозные верований, имеет присущий им характер неопределенности своих догм, не достигших еще своего торжества. Доктрины социализма меняются чуть не с каждым днем и делаются все более и более неопределенными, расплывчатыми. Чтобы согласовать принятые основателями этих доктрин принципы с явно противоречащими им фактами, пришлось бы предпринять труд, подобный трудам богословов, старающихся примирить разум с Библией.

Принципы, на которых Маркс, бывший долго первосвященником новой религии, основывал социализм, в конце концов были опровергнуты фактами в такой мере, что вернейшие его ученики вынуждены отказаться от этих принципов. Так, например, лет сорок тому назад по сущности теории социализма выходило, что капиталы и земли должны скапливаться в руках все меньшего и меньшего числа владельцев, тогда как статистика разных стран показала совершенно противоположное: в действительности капиталы и земли не только не скапливаются, но с большой быстротой раздробляются среди огромного числа людей. Поэтому мы и видим, что в Германии, Англии и Бельгии вожди социализма все более отрешаются от коллективизма, называя его химерой, способной увлекать только умы народов латинской расы.

Впрочем, в отношении распространения социализма всякие теоретические рассуждения не имеют никакого значения. Толпа им не внимает. Она запоминает только ту основную мысль, что рабочий – жертва нескольких эксплуататоров вследствие дурной социальной организации, и что было бы достаточно нескольких новых законов, введенных революцион-

ным путем, чтобы изменить эту организацию. Теоретики могут себе развивать те или другие доктрины своей теории, толпа принимает их готовыми во всей их совокупности, не вникая никогда в развитие их. Усвоенные верования облекаются всегда в очень простую форму. Раз удалось их вкоренить в неразвитых умах, они непоколебимо сохраняются в них надолго.

Помимо мечтаний социалистов, и, весьма часто, совершенно наперекор им, современный общественный строй претерпевает быстрое и глубокое изменение от перемен в условиях существования, в требованиях времени и в понятиях, происходящих под влиянием научных и промышленных изобретений последнего полувека. Современные сообщества приспосабливаются к этим превращениям, а не к фантазиям теоретиков, которые, не видя роковой неизбежности существующих условий, полагают, что могут по своему произволу перестраивать общество. Задачи, возникающие вследствие современных превращений в мире, гораздо важнее, чем вопросы, озадачивающие социалистов. Изучению этих задач посвящена значительная часть настоящего труда.

*Г. Лебон*

## **ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ**

Господин издатель<sup>2</sup> сделал мне честь, обратиться ко мне с просьбой – снабдить моим небольшим предисловием издаваемый им русский перевод моей книги «Психология социализма».

Цель, которую я себе поставил, когда писал эту книгу, ясно намечена в предисловии, предпосылаемом этому труду. Судя по многочисленным изданиям этой книги и по переводам ее на многие языки, смею надеяться, цель эта достигнута. Я пытался изучать вопросы, относящиеся к социализму, как если бы я изучал какие-либо физические явления. Могу предполагать, что задача эта исполнена с беспристрастием, судя по многочисленным статьям, появившимся в периодических изданиях, принадлежащих к самым различным партиям.

В этом труде преобладает следующее главное основное положение: народы не могут выбирать свои учреждения, они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революций учреждения, переставшие ему нравиться, – это не раз наблюдалось в истории. Чего история никогда еще не показывала – это того, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь продолжительно. Спустя короткое время все прошлое снова входит в силу, ведь из этого-то прошлого и сотканы мы, и потому оно является нашим верховным властителем.

Без сомнения, учреждения преобразуются в течение веков, но всегда путем медленной эволюции и никогда – путем внезапных революций. Революции изменяют только название вещей. Разрушительное их действие никогда не касается основных идей и чувств данного народа, какие бы кровавые перевороты они не порождали.

Таким образом, когда хотят понять учреждения данного народа, нужно изучить сперва умственный склад этого народа. Тогда и только тогда поймешь, что учреждения, наилучшие для одного народа, могут оказаться губительными для другого. Либеральные учреждения, превосходные для нации, состоящей из однородных элементов, обладающих одинаковыми чувствами и интересами, являются отвратительными для народа, состоящего из элементов разнородных, и следовательно, обладающих различными чувствами и имеющими противоположные интересы. Одна лишь мощная рука властелина может тогда поддерживать равно-

---

<sup>2</sup> Сергей Будаевский

весе и мир между разнородными интересами – слишком большая свобода привела бы их к неизбежной борьбе.

Каждая страница истории подтверждает эти основные положения. Однако, они всегда отвергались революционерами всех времен. Можно желать переделать общество согласно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Тщетно мятется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон неизбежности, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно.

*Г. Лебон*

# КНИГА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

## ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

§ 1. *Факторы социального развития.* Факторы, направляющие современную эволюцию обществ. В чем они отличаются от прежних? Факторы: экономические, психологические и политические.

§ 2. *Разные стороны социализма.* Необходимость изучения социализма в отношении – политическом, экономическом, философском и как верования. Противоречие между этими разными сторонами социализма. Философские определения социализма. Существо коллективное и индивидуальное.

### § 1. ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.

Основой цивилизаций всегда служило небольшое число направляющих идей. Когда идеи эти, успев значительно поблекнуть, теряют всю свою силу, то цивилизации, опиравшиеся на них, должны измениться.

В настоящее время мы переживаем одну из фаз такого столь редкого в истории народов превращения. Немногим философам пришлось жить в такие важные моменты появления новой идеи и иметь возможность, как теперь, изучить последовательный ход ее формирования.

При современных условиях развитие обществ происходит под влиянием тройкого рода факторов: политических, экономических и психологических. Эти факторы действовали во все времена, но их относительное между собой значение изменялось в зависимости от возраста народов.

Политические факторы – это законы и учреждения. Теоретики всех партий и особенно современные социалисты придают этим факторам большое значение. Все они убеждены, что счастье народа зависит от его учреждений, и что стоит только их изменить, как сразу изменится и судьба народа. Некоторые мыслители полагают, что, напротив, учреждения оказывают весьма слабое влияние, что судьбы народов зависят от их характера, т. е. от духовной природы той расы, к какой народ принадлежит. Этим объясняется, что нации, имея почти одинаковые учреждения и живя при одинаковых условиях, находятся на разных ступенях цивилизации.

Экономические факторы в настоящее время имеют громадное значение. В прежние времена, когда народы жили разьединенно, когда промышленность и техника не развивались целыми веками, факторы эти имели очень слабое влияние, но теперь, при быстром ходе усовершенствований, они приобрели перевес. Научные и технические открытия совершенно изменили все условия нашего существования. Вновь открытая простая химическая реакция разоряет одну страну и обогащает другую. Возникшая в глубине Азии культура какого-либо злака заставляет отказаться от хлебопашества целые провинции Европы. Усовершенствование разного рода машин изменяет условия жизни значительной части цивилизованных народов.

Психологические факторы – раса, верования, воззрения имеют также большое значение. Влияние их в старину имело даже перевес, но в настоящее время он на стороне экономических условий.

Вот эти-то изменения относительного влияния возбудителей (факторов) социального развития и составляют главное различие между условиями жизни современного и прежнего общества. Подчинявшиеся прежде преимущественно своим верованиям общества в настоящее время все более и более повинуются экономическим требованиям.

Однако и психологические факторы далеко не потеряли своего значения. Насколько человек способен освобождаться от гнета экономических условий, зависит от склада его ума, т. е. от свойств его расы. Вот почему некоторые народы подчиняют своим требованиям экономические условия, тогда как другие все более и более поработаются ими и пытаются сопротивляться им только покровительственными законами, бессильными, впрочем, защищать их от экономического гнета.

Таковы главные двигатели социального развития. Незнание или непризнание их недостаточны для того, чтобы помешать их действию. Законы природы действуют со слепой правильностью механизма, и тот, кто сталкивается с ними, всегда терпит поражение.

## § 2. РАЗНЫЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА.

Итак, социализм имеет разные стороны, которые надо рассмотреть последовательно. Надо его рассмотреть в отношении политическом, экономическом, философском и, наконец, как верование. Надо также рассмотреть столкновение этих понятий с действительностью существующего общественного строя, т. е. столкновение отвлеченных идей с неумолимыми законами природы, которые человек не может изменить.

Экономическая сторона социализма легче всего поддается исследованию. Тут задачи вполне определены. Как создается и распределяется богатство? Каково взаимоотношение между трудом, капиталом и умственными способностями? Каково влияние экономических явлений и в какой мере определяют они социальное развитие?

Если будем изучать социализм как верование, т. е. исследовать производимое им нравственное впечатление, внушаемые им убеждения и фанатическую преданность идеям, то точка зрения и сама задача становятся совершенно иными. Не имея более надобности заниматься теоретическим значением социализма как доктрины, ни теми непреодолимыми экономическими препятствиями, на которые он может натолкнуться, мы должны рассмотреть новое верование только со стороны его происхождения, его нравственных успехов и психологических последствий, которые оно может породить. Это исследование необходимо для объяснения бесполезности всяких споров с защитниками новых догм. Когда экономисты удивляются тому, что неоспоримо ясные доказательства совершенно не действуют на убежденных сторонников новых догм, пусть они обратятся к истории всяких верований и ознакомятся с учением о психологии толпы; тогда они перестанут удивляться. Доктрину не разбить указанием ее химерических сторон. Не доводами разума опровергаются мечты.

Чтобы понять силу современного социализма, надо рассматривать его преимущественно как верование; тогда обнаружится, что основанием его служат сильные психологические причины. Непосредственный успех его почти не зависит от противоречия между его догмами и разумом. История всех верований, и особенно религиозных, достаточно показывает, что их успех в большинстве случаев не зависел от того, как велика была в них доля истины или заблуждения.

При изучении социализма как верования надо рассмотреть его как философское мировоззрение. Этой стороной последователи социализма более всего пренебрегали, а между тем, эту сторону они могли легче всего защищать. Они полагают, что осуществление их доктрин – необходимое следствие экономического развития, тогда как именно это развитие наименее соответствует их осуществлению. С точки зрения чистой философии, т. е. оставляя в стороне экономические и психологические условия, многие из социалистических теорий, напротив, вполне могли бы противостоять критике.

Что же такое, в самом деле, представляет собой, с философской точки зрения, социализм или, по крайней мере, наиболее распространенная его форма – коллективизм? Просто – реакцию существа коллективного против захватов со стороны отдельных единичных существ. Если же не принимать во внимание значения умственных способностей человека и той громадной пользы, какую эти способности могут оказать цивилизации, то несомненно, что община или союз людей, преследующий общие всем его членам цели, может рассматриваться (хотя бы в силу закона числа, этого великого символа веры современной демократии) как организация, созданная для порабощения каждого своего члена, который вне союза не мог бы существовать.

С философской точки зрения социализм есть реакция общественности против индивидуальности, как бы возврат к прошлому. Индивидуализм и коллективизм по своей сущности – две противодействующие силы, стремящиеся если не уничтожить, то, по крайней мере, парализовать друг друга. Эта борьба между противоположными интересами личности и организованной общины людей и представляет истинную задачу социализма с философской точки зрения. Отдельная личность, достаточно сильная, чтобы полагаться только на свою предприимчивость, на свое разумение, и потому способная самостоятельно содействовать прогрессу, стоит перед толпой, слабой в отношении этих качеств, но сильной своей численностью – этой единственной поддержкой права. Интересы этих двух борющихся принципов – взаимно противоположны. Вопрос в том, могут ли они даже ценой взаимных уступок удержаться, не разрушаясь в этой борьбе. До настоящего времени только религиозным верованиям удавалось вселять в людях сознание необходимости жертвовать своими личными интересами на пользу общую, заменять, личный эгоизм общественным. Но древние религии уже вымирают, а на замену им новые еще не народились. При изучении развития общественной солидарности нам придется рассмотреть, в каких границах экономические потребности допускают возможное примирение двух указанных взаимно противоположных принципов. Как справедливо заметил в одной из своих речей Леон Буржуа,<sup>3</sup> «само собой разумеется, что ничего нельзя поделаться против законов природы, но необходимо непрестанно их изучать и пользоваться ими для уменьшения неравенства и несправедливости среди людей».

Чтобы закончить обзор разных сторон социализма, мы должны еще рассмотреть его изменения сообразно с характерами рас. Если начала, указанные в одном из предшествующих наших сочинений<sup>4</sup> о глубоких преобразованиях, которым подвергаются все элементы цивилизации (учреждения, религии, искусства, верования и т. д.) с переходом от одного народа к другому, верны, то можно уже предвидеть, что иногда под сходными между собой словами, выражающими у разных народов представления о государственном строе, скрывается весьма неодинаковая действительность. Мы увидим, что это так и на самом деле. У рас сильных, энергичных, достигших высшей степени своего развития, замечается – как при режиме республиканском, так и при монархическом – значительное расширение предприятий личной инициативы и постепенное уменьшение области, которой ведает государство. Совершенно противоположную роль предоставляют государству те народы, у которых отдельные личности дошли до такого умственного оскудения, что не могут рассчитывать только на свои силы. У таких народов, как бы ни назывались государственные учреждения, правительство всегда представляет всепоглощающую власть: оно все регламентирует и распоряжается мельчайшими подробностями жизни граждан. Социализм есть не что иное, как расширение такого воззрения. Он был бы диктатурой безличной, но совершенно неограниченной.

<sup>3</sup> Леон Буржуа – французским правовед, в период с 1888 по 1889 г.г. замещал государственным секретаря в Министерстве иностранных дел. Основные его труды: «Солидарность», «Обучение демократии», «Философия солидарности», «Демократия прав».

<sup>4</sup> Труды «Психологические законы эволюции народов» (СПб. 1916).

Легко видеть сложность предстоящих нам задачи настолько они упрощаются, если элементы их изучаются отдельно.

## ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. *Древность социализма.* Социальная борьба, вызванная неравенством состояний, восходит к первым векам истории. Доктрины коллективизма у греков. Каким образом социализм лишил греков независимости. Социализм у римлян и евреев. Христианство первых веков представляет собой время торжества социализма. Каким образом оно должно было вскоре отказаться от своих доктрин. Иллюзии социалистов в середине XIX века.

§ 2. *Причины развития социализма в настоящее время.* Чрезмерная чувствительность в настоящее время. Потрясения и неустойчивость современного общества, вызванные успехами промышленности. Потребности растут быстрее, чем средства для их удовлетворения. Притязания современной молодежи. Помыслы университетской молодежи. Роль финансистов. Пессимизм мыслителей. Состояние современного общества сравнительно с прежним.

§ 3. *Применение процентных соотношений при оценке общественных явлений.* Необходимо точно установить соотношение между элементами полезными и вредными, входящими в состав общества. Несостоятельность приема средних величин. В социальных явлениях процентные соотношения имеют большее значение, чем средние выводы.

### § 1. ДРЕВНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА.

Социализм появился не сегодня. По излюбленному выражению историков древности, можно сказать, что начало появления социализма теряется в глубине веков. Он имел целью уничтожить неравенство общественных положений, которое как в древнем, так и современном мире представляет собой один и тот же закон. Если всемогущее божество не пересоздаст природу человека, то это неравенство, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует наша планета. Борьба богатого с бедным, надо полагать, будет продолжаться вечно.

Не восходя к первобытному коммунизму – этой низшей форме развития, с которой начинали все общества, мы можем сказать, что в древности уже были испытаны разные формы социализма, которые предлагаются и ныне. Особенно греки пытались их осуществлять. и от этих-то опасных попыток погибла Греция. Доктрины коллективизма изложены уже в «Республике» Платона. Аристотель их оспаривал, и, как сказал Гиро, резюмируя их сочинения: «все современные доктрины, от христианского социализма до самого крайнего коллективизма, находят там свое выражение».<sup>5</sup> Не раз эти доктрины применялись и на деле. Политические перевороты в Греции были вместе с тем и социальными, т. е. имевшими целью изменить социальный строй и именно уравнивать общественные положения разорением богатых и подавлением аристократии. Им это удавалось несколько раз, но всегда ненадолго. В конце концов Греция пала и утратила свою независимость. Социалисты того времени так же, как и теперь, расходились в своих положениях; единодушие их проявлялось только относительно разрушения существующего порядка. Рим положил конец этим вечным несогласиям, низведя Грецию до рабства и заставив продавать ее граждан в неволю.

Сами римляне не избежали покушений социалистов и принуждены были испытать аграрный социализм Грак-хов. Он ограничивал каждого гражданина определенной площадью земли, распределял остатки земли между бедными и обязывал государство кормить нуждающихся. Все это привело к борьбе, создавшей Мария, Суллу, междоусобные войны и, наконец, падение республики и владычество империи.

Евреи также знакомы с притязаниями социалистов. Проклятия со стороны еврейских пророков – этих настоящих анархистов той эпохи – направлены преимущественно против богатства. Сам Иисус Христос вступался особенно за права бедных и осуждал богатых.

<sup>5</sup> В книге «Propriete fonciere des Grecs» («Земельная собственность у греков»).

Только бедному предназначено царствие небесное, а богатому труднее в него войти, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко.

В течение двух-трех первых веков нашей эры христианская религия представляла собой социализм обездоленных, бедных и недовольных и, подобно современному социализму, постоянно боролась с установившимися учреждениями. Борьба эта окончилась торжеством христианского социализма, я это, можно сказать, – первый случай такого прочного успеха социалистических идей.

Но, несмотря на ту, в высшей степени выгодную для достижения успеха, особенность христианской веры, что обещаемое ею блаженство в загробной жизни не может быть проведено смертными, христианский социализм мог удержаться, только отрекшись, вслед за своей победой, от своих принципов. Он был вынужден искать поддержку у богатых и сильных, защищать богатство и собственность, т. е. то, что прежде отвергал. Как все революционеры, добившиеся торжества своих идей, христиане сделались консерваторами, и общественные идеалы католического Рима мало чем отличались от идеалов Рима императорского. Бедные должны были по-прежнему покоряться своей судьбе, работать и повиноваться в надежде на небесные блага, если будут благоразумны, и бояться дьявола и ада, если будут неудобны для своих повелителей.

Какая чудесная история – эта двадцативековая мечта! Когда наши потомки освободятся от наследственных пут мысли, они получат возможность изучить эту мечту с чисто психологической точки зрения и будут непрестанно восхищаться громадной силой этого создания фантазии, на которое еще и теперь опирается наша цивилизация. Как бледны самые блестящие философские обобщения перед зарождением и развитием этого верования, столь простодушного с точки зрения разума и все же столь могущественного! Упорное господство этого верования ясно показывает, до какой степени мечта, а не действительность руководит человечеством. Основатели религий создавали только надежды, и, тем не менее, создания эта сохранялись всего дольше. Какие обещания социалистов могут сравняться с раем Иисуса или Магомета? Как сравнительно ничтожны обещаемые социалистами земные блага!<sup>6</sup>

Наши предки применяли теории социалистов во время нашей революции,<sup>7</sup> и если ученые продолжают спорить, была ли эта революция социалистической, то это происходит или от того, что под словом «социализм» нередко подразумевают разные понятия, или от неумения вникнуть достаточно глубоко в сущность вещей.<sup>8</sup> Цель социалистов во все времена совершенно ясна: отнять имущество у богатых в пользу бедных. Эта цель никогда не достигалась столь удачно, как вожаками французской революции. Правда, они объявили, что собственность священна и неприкосновенна, но сделали это только после того, как предвзвешенно ограбили дворян и духовенство и таким образом заменили одно социальное неравенство другим. Никто, я полагаю, не сомневается, что если бы современным социалистам удалось революционным путем разорить буржуазию, то образовавшийся при этом новый класс не замедлил бы преобразиться в ярых консерваторов, которые заявили бы, что впредь собственность будет священна и неприкосновенна. Такие заявления, впрочем, совершенно излишни, когда они исходят от власть имущих, и еще более бесполезны, когда исходят от слабых. В классовой борьбе права и принципы не имеют никакого значения.

---

<sup>6</sup> В издании С. Будаевского имеются следующее примечание переводчика: «В изложенной характеристике

<sup>7</sup> Т. е. во время Великой французской революции 1789–1793 г.г.

<sup>8</sup> Это и случилось с А. Лихтенбергером и его книге «Социализм и французская революция». Крайняя недостаточность его метода исторической критики приводят его иногда к заключениям, вызывающим улыбку. Сущность критики состоит не и компилировании текстов, а в раскрытии идеи, скрытых и этих текстах. Так как эволюция слов совершается гораздо медленнее, чем эволюция мысли, то одни и те же слова на протяжении одного века соответствуют весьма различным понятиям. Андре Лихтенбергер – французский ученый, писатель, адъютант-директор Музея социальных наук. Главный редактор журнала «Мнение».

И если история так повторяется всегда, то это происходит от того, что она зависит от природы человека, не изменившейся еще в течение веков. Человечество успело значительно состариться, но, несмотря на это, продолжает увлекаться одними и теми же мечтами и повторять одни и те же опыты, не черпая из них никакого поучения. Перечитайте полные энтузиазма и надежд речи наших социалистов сороковых годов, ретивых сподвижников революции 1848 г. По их мнению, наступила новая эра, и благодаря им мир должен измениться. Благодаря им страна скоро потонула в деспотизме и несколько лет спустя чуть не погибла от разорительной войны и вторжения врага. Едва полвека прошло после этой фазы социализма, и мы, забыв тяжелый урок, расположены вновь повторить тот же цикл.

## § 2. ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Итак, мы только повторяем теперь жалобы, которые в течение веков раздавались со стороны наших отцов, и если наши жалобы стали громче раздаваться, то это только потому, что прогресс цивилизации сделал нас более чувствительными. Условия нашего существования значительно улучшились сравнительно с прежними, а между тем, они все менее и менее нас удовлетворяют. Лишенный своих верований, не имея ничего впереди, кроме сурового долга и невеселой взаимной поруки, тревожась от волнений и общей неустойчивости, причиняемых изменениями в промышленности, наблюдая поочередное разрушение общественных организаций, грозящее исчезновением семьи и собственности, современный человек жадно привязывается к настоящему; в нем только он может понять и признать действительность. Интересуясь только собой, он хочет во что бы то ни стало пользоваться этим настоящим, чувствуя, что оно скоропреходяще. Взамен исчезнувших иллюзий человеку стало необходимо благосостояние и, следовательно, богатство. Они ему тем более необходимы, что наука и промышленность создали множество предметов роскоши, которые прежде не были известны, а теперь сделались необходимостью. Жажда к богатству все более и более распространяется одновременно с возрастанием числа жаждущих.

Потребности современного человека очень увеличились и возрастают значительно быстрее, чем средства для их удовлетворения. Статистика показывает, что никогда не было так развито благосостояние, как теперь, но она показывает также, что никогда потребности не были так настоятельны, как в настоящее время. При изменении же частей уравнения, равенство между ними сохраняется лишь тогда, когда они возрастают или убывают на равные величины. Соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения представляет собой уравнение благополучия. Как бы ни были малы части этого уравнения, но если равенство между частями сохранено, человек доволен своим положением. Он остается доволен и тогда, когда в случае уменьшения средств он может уменьшить и свои потребности, т. е. восстановить равенство между частями уравнения. Такое решение задачи давно осуществлено восточными народами, и потому мы видим их всегда довольными своею судьбой. Но в современной Европе потребности переросли средства для удовлетворения их в огромной степени, части уравнения стали очень различаться, и большинство цивилизованных людей проклинает свою судьбу. Сверху донизу в обществе одно и то же недовольство, так как и вверху и внизу потребности пропорционально чрезмерно велики. Каждый, следуя общему неудержимому течению, стремится к богатству и мечтает разбить встречаемые препятствия. На почве самого мрачного равнодушия к общим интересам и доктринам личный эгоизм превзошел всякий предел. Богатство сделалось целью, преследуемой всеми, и из-за нее забывается все остальное. Такие стремления, разумеется, в истории не новы, но прежде они проявлялись не в такой общей и исключительной форме, как теперь. Токвиль сказал: «Людам XVIII века была чужда такого рода страсть к благосостоянию – этой матери рабства. Высшие классы занимались гораздо больше украшением жизни, чем удобством, и стремились более к славе, чем к богатству».

Эта всеобщая погоня за богатством повела к общему понижению нравственности и ко всем его последствиям. Наиболее ярко выразилось это понижение в уменьшении престижа буржуазии в глазах низших общественных слоев. Буржуазия постарела за один век настолько, насколько аристократия – за тысячелетие. Буржуазия вырождается ранее, чем в третьем поколении, и освежается лишь постоянным приливом элементов низшей среды. Буржуазное общество может завещать своим детям богатство, но как оно передаст потомству случайные качества, которые только веками могут быть упрочены в потомстве? Крупные состояния сменили собой наследственный гений, наследственные дарования, но эти состояния слишком часто переходят к жалким потомкам.

И вот, быть может, наглое тщеславие крупных богачей и манера их тратить свои средства более всего способствовали развитию социалистических идей. Справедливо заметил Фаге:<sup>9</sup> «Страдают в действительности только при виде чужого счастья; несчастье бедных в этом и состоит». Социалисты отлично понимают, что они не могут сделать всех одинаково богатыми, но надеются, по крайней мере, сделать всех одинаково бедными.

Зажиточная молодежь тоже не представляет собой ничего назидательного для народных масс. Она все более и более потрясает нравственные традиции, которые одни только и могут дать устойчивость обществу. Идеи долга, патриотизма и чести молодежь слишком часто считает ненужными предубеждениями, смешными стеснениями. Воспитанная в обожании только удач в жизни, она проявляет самые хищные аппетиты и вожделения. Когда спекуляция, интрига, богатый брак или наследство предоставляют молодежи большие состояния, она их расточает на самые низменные наслаждения.

И университетская молодежь не представляет собой более утешительного зрелища. Она – печальный продукт классического образования. Пропитанная латинским рационализмом, получившая только теоретическое книжное образование, она не способна понимать что-либо в действительной жизни и не может разобраться в условиях, поддерживающих существование обществ. Идея об отечестве, без которой никакой народ не может быть долговечным, по их мнению, как сказал один очень известный академик, присуща только «глупым шовинистам, совершенно лишенным способности к философскому мышлению».

Эти злоупотребления богатством и возрастающий упадок нравственности в буржуазном обществе дали веское оправдание едким нападкам современных социалистов на неравномерность распределения богатств. Им было слишком легко показать, что часто большие состояния образовались посредством громадного хищничества за счет скудных средств тысяч бедняков. Как назвать иначе все эти финансовые операции крупных банковских учреждений по устройству заграничных займов? Эти учреждения нередко отлично знают ненадежность заемщика и совершенно уверены, что их слишком доверчивые клиенты будут разорены, но, тем не менее, без всякого колебания устраивают заем, чтобы не потерять комиссионный гонорар, доходивший иногда до очень крупного размера, как, например, при займе Гондураса<sup>10</sup> этот гонорар превышал 50 % полной суммы займа. Бедняк, решающийся под влиянием голода на воровство, разве не менее виновен, чем эти грабители-хищники.<sup>11</sup>

---

<sup>9</sup> Август-Эмиль Фаге – профессор литературы, член французской Академии наук. Редактор журналов «Journal les Debats», «la Revue» и других.

<sup>10</sup> Известны два таких заема. Особенно скандальным был заем 1867–1870 г.г., заключенный для постройки железной дороги. Тогда была проведена только маленькая ветка, деньги разошлись по карманам чиновников, а долг с возросшими процентами более полувека обременял бюджет Гондураса. Второй заем был получен в 1884 г. в обмен на железнодорожные концессии и земли для банановых плантаций.

<sup>11</sup> Благодаря своим капиталам директора американских трестов могут делать и не такие банковские операции. Есть сведения об одной из них, проведенной Рокфеллером, директором «Standart oil Trust», который произвел панику на американской бирже и тем заставил значительно понизиться в курсе большинство процентных бумаг. Скупив их затем и дождавшись понижения курса, он приобрел 2 миллиарда франков, если верить вычислению Дорбиньи, приведенному в «Revue des Revues». Синдикат нефтепромышленности принес ему за этот год доход около 100 миллионов франков.

Что сказать о спекуляции молодого американца-миллиардера, который в момент испано-американской войны скупил почти на всех рынках мира зерновой хлеб и стал продавать его по завышенным ценам только тогда, когда начался им же вызванный голод? Эта спекуляция произвела кризис в Европе, голод и возмущения в Италии и Испании и была причиной голодной смерти большого числа бедняков. Не правы ли после этого социалисты, сравнивающие этих спекулянтов с простыми разбойниками, достойными виселицы?

Вот здесь-то мы и наталкиваемся на одну из труднейших задач нашего времени, для разрешения которой социалисты предлагают лишь ребяческие средства. Задача такая: избавить общество от страшного и все возрастающего могущества крупных финансистов. Подкупая прессу, закупаая политических деятелей, эти дельцы все более и более завоевывают положение единственных хозяев в стране и составляют как бы правительство, особенно опасное тем, что оно одновременно и всемогущей тайно. «Это зарождающееся правительство, – по словам Фаге, – не имеет никаких идеалов, ни нравственных, ни умственных. Оно не злое и недоброе. Оно считает людей стадом, которое нужно держать за работой, кормить, не допускать до драки и стричь... Оно относится безразлично ко всякому умственному, художественному и нравственному прогрессу. Оно международно, не имеет родины и стремится, впрочем, не беспокоясь о том, истребить в мире идею об отечестве».

Трудно предвидеть, каким образом современные общества могут избежать этой страшной грозящей им тирании. Американцы, которым, по-видимому, предстоит первым сделаться жертвой этой тирании, уже предупреждаются наиболее выдающимися своими представителями о предстоящих кровавых переворотах. Но если легко восстать против деспота, то какое же может быть восстание против власти скрытой и безымянной? Как добраться до богатств, искусно разбросанных по всему свету? Вне всякого сомнения, трудно будет долго терпеть без возмущения, чтобы один человек мог для собственного обогащения вызвать голодовку или разорение тысяч людей с большей легкостью, чем, например, Людовик XIV объявлял войну.

Нравственное падение высших слоев общества, неравномерное и часто очень несправедливое распределение денег, опасные злоупотребления богатством, усиливающееся раздражение народных масс, все большая и большая потребность в наслаждениях, утрата прежнего авторитета власти и исчезновение старых верований – во всех этих обстоятельствах много причин к недовольству, объясняющих быстрое распространение социализма.

Наилучшие умы страдают недугом не менее глубоким, хотя недуг этот и другого рода. Он не всегда превращает их в сторонников новых доктрин, но он мешает им деятельнее защищать современный социальный строй. Постепенный распад всех верований и опирающихся на них учреждений; полное бессилие науки пролить свет на окружающие нас тайны, сгущающиеся по мере того, как мы хотим в них проникнуть; ясные доказательства того, что все наши философские системы – беспомощный и пустой вздор; повсеместное торжество грубой силы и вызываемое им уныние имели результатом то, что избранные умы впали в мрачный пессимизм.

Пессимистическое настроение современных людей – неоспоримо; можно составить целый том из фраз, выражающих это настроение у наших писателей. Нижеприведенных выдержек будет достаточно, чтобы показать общую неурядицу в умах:

«Что касается картины страданий человечества, – говорит выдающийся современный философ Ренувье, – то, не говоря о бедствиях, зависящих от общих законов животного царства, изображение, сделанное Шопенгауэром, окажется скорее слабым, чем преувеличенным, если подумаем, какие социальные явления характеризуют нашу эпоху: борьба между национальностями и общественными классами, всеобщее распространение милитаризма, возрастающая нищета наряду с накоплением богатств, изощрение в наслаждениях жизнью, увеличение числа преступлений, как наследственных, так и профессиональных, самоубий-

ства, ухудшение семейных нравов, утрата веры в непостижимое, заменяемое все более и более бесплодным материалистическим культом мертвых. Вся эта совокупность признаков видимого возвращения цивилизации к варварству и неизбежное содействие этому возвращению соприкосновения европейцев и американцев с неподвижным или даже опустившимся населением старого света – не сказывались еще в то время, когда Шопенгауэр стал призывать к пессимистическому мирозерцанию».

«Более сильные без зазрения совести попирают права более слабых, – пишет другой философ, Буаллей, – американцы истребляют краснокожих, англичане притесняют индусов. Под предлогом распространения цивилизации европейцы разделяют между собой Африку, а в действительности цель другая – создать новые рынки. Ожесточенное соперничество между государствами приняло необычайные размеры. Тройственный союз грозит нам из боязни и алчности. Россия ищет нашей дружбы из-за своих интересов».

Ненависть и зависть в низших слоях, безучастие, крайний эгоизм и исключительный культ богатства в правящих слоях, пессимизм мыслителей – таковы современные настроения. Общество должно быть очень твердым, чтобы противостоять таким причинам разложения. Сомнительно, чтобы оно могло им долго сопротивляться.

Некоторые философы находят утешение в этом состоянии общего недовольства, утверждая, что оно есть залог прогресса и что народы, слишком довольные своей судьбой, например, восточные, более не прогрессируют. «Неравенство богатств, – говорит Уэллс, – кажется величайшим злом в обществе, но как бы ни было велико это зло, уравнивание богатств привело бы еще к худшему. Если каждый будет доволен своим положением и не будет видеть возможности улучшить его, то человечество впадет в состояние оцепенения, а в силу своей природы оно не может оставаться неподвижным. Недовольство каждого своим личным положением есть могущественный двигатель всего прогресса человечества».

Как ни судить об этих чаяниях и обвинениях, которые легко возводить против существующего порядка вещей, надо признать, что все социальные несправедливости неизбежны уже потому, что в разной степени они существовали всегда. Они – роковое следствие самой природы человека, и никакой опыт не дает повода заключить, что изменением учреждений и заменой одного класса другим можно было бы уничтожить или даже смягчить несправедливости, на которые мы так сетуем. В армии добродетельных людей насчитывалось всегда очень мало рядовых, еще гораздо меньше офицеров, и не найдено еще средства увеличить это число. Следовательно, нужно примириться с необходимостью общественных несправедливостей, столь же естественных, как и несправедливости в природе, каковы угнетающие нас старость и смерть, на которые бесполезно сетовать. В общем, если мы сильнее, чем прежде, чувствуем выпадающие на нашу долю бедствия, то кажется, однако, вполне верным, что в действительности они никогда не были менее тягостными. Не говоря уже о первобытных временах, когда человек, скрываясь в пещерах, с трудом оспаривал у зверей свою скудную пищу и очень часто сам служил им добычей, вспомним, что наши отцы переживали рабство, нашествия, голод, войны всякого рода, смертоносные эпидемии, инквизицию, террор и много еще других бедствий. Не забудем, что благодаря прогрессу науки и техники, увеличению платы за труд и дешевизне предметов роскоши, самый скромный человек живет в настоящее время с большими удобствами, чем в старину феодальные владельцы в своих замках, находившиеся всегда под угрозой ограбления и смерти от своих соседей. Благодаря пару, электричеству и всем новейшим открытиям, последний крестьянин пользуется теперь множеством удобств, каких не знал при всей пышности своего двора Людовик XIV.

### § 3. ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕНТНЫХ СООТНОШЕНИЙ ПРИ ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ.

Для правильного суждения о данной общественной среде недостаточно принимать во внимание только дурные условия, которые нам неприятны, или несправедливости, которые нас смущают. Каждое общество имеет в некотором соотношении между собой хорошее и дурное, некоторое число людей добродетельных и негодяев, людей гениальных и людей посредственного ума и глупцов. Чтобы сравнивать общества между собой в данное время или в течение многих веков, следует рассматривать составляющие их элементы не в отдельности, а численное соотношение между ними. Нужно оставлять без внимания бросающиеся в глаза отдельные частные случаи, крайне обманчивые, а также статистические средние выводы, которые еще более вводят в заблуждение. *Общественные явления управляются процентными соотношениями, а не частными случаями и средними выводами.*

Большинство ошибочных суждений и происходящих от них торопливых обобщений есть результат недостаточного знания процентных соотношений между наблюдаемыми данными. Обычная характерная склонность малоразвитых умов – обобщать частные случаи, не обращая внимания, в какой пропорции они имеют место. Например, путешественник, подвергшийся нападению грабителей в лесу, будет утверждать, что этот лес всегда наполнен грабителями, не осведомляясь о том, сколько вообще путешественников в течение скольких лет подвергалось там нападению до него.

Строгое применение приема процентных соотношений учит не доверять таким поверхностным обобщениям. Суждения о каком-либо народе или обществе имеют цену лишь тогда, когда они относятся к достаточно большому числу людей, позволяющему вывести процентные отношения между замеченными достоинствами или недостатками. Только при таких данных и возможны обобщения. Если мы утверждаем, что данный народ отличается энергией и инициативой, то это не значит, что среди него нет людей, совершенно лишенных этих качеств, но это значит только, что процент людей, обладающих этими качествами, значителен. Если бы явилась возможность понятное, но несколько неопределенное выражение «значителен» заменить цифровыми данными, то точность суждения много выиграла бы, но при оценках такого рода, благодаря отсутствию достаточно чувствительных реактивов, приходится довольствоваться лишь приближениями. Эти реактивы хотя и имеются, но требуют в высшей мере осторожного с ними обращения.

Определение процентных соотношений имеет первостепенное значение. Приложив его к антропологическим исследованиям, мне удалось показать глубокие различия в строении мозга у разных рас, которые не могли быть открыты при сравнении средних данных.<sup>12</sup> До этого, сравнивая средние объемы черепов разных рас, обнаруживали разности весьма незначительные, и на основании этого большинство анатомов предполагало, что объем мозга у разных рас почти один и тот же. Посредством особых кривых, выражающих вполне точно в процентах разные объемы черепов, я мог, измерив значительное число черепов, доказать неопровержимо, что, наоборот, эти объемы для разных рас различаются в огромной степени, и что высшие расы ясно отличаются от низших тем, что первые имеют некоторое число крупных объемов мозга, которых нет у вторых. Благодаря небольшому безусловному числу крупных объемов, они не оказывают влияния на величину среднего объема мозга данной расы. Это анатомическое исследование подтвердило, впрочем, тот психологический факт, что умственный уровень какого-либо народа характеризуется большим или меньшим числом принадлежащих ему выдающихся умов.

При изучении общественных явлений приемы исследования еще слишком несовершенны, чтобы можно было прилагать методы точной оценки, позволяющие выразить эти

---

<sup>12</sup> Gustave Le Bon. Recherches anatomiques et mathematiques sur les lois des variations du volume du crane (Г. Лебон. Анатомические и математические исследования законов изменения объема черепа). Эта работа Лебона на русском языке не издавалась.

явления геометрически, в виде кривых. Не имея возможности охватить все стороны вопроса, мы должны, однако, всегда помнить, что эти стороны многообразны, и многих из них мы даже не подозреваем или не понимаем, а между тем эти-то наименее заметные элементы часто являются самыми важными данными в вопросе. Чтобы при исследовании сложных явлений, какими всегда бывают явления социальные, получить менее ошибочные выводы, необходимо непрерывно рядом проверок и последовательных приближений делать поправки, стараясь совершенно отрешиться от наших личных интересов и симпатий. Надо долго устанавливать факты, прежде чем заключать, и очень часто только и довольствоваться этим установлением. Не таких принципов до настоящего времени придерживались специалисты по социальным вопросам, и несомненно поэтому труды их имели столь же слабое, сколь и мимолетное влияние.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

§ 1. *Основные принципы социалистических теорий.* Социальные теории общественного строя приводятся к коллективизму и индивидуализму. Эти взаимно противоположные принципы всегда были в борьбе между собой.

§ 2. *Индивидуализм.* Его роль в развитии цивилизаций. Его развитие возможно только среди народов, одаренных известными качествами. Индивидуализм и французская революция.

§ 3. *Коллективизм.* Все современные формы социализма требуют вмешательства государства в условия жизни граждан. Роль, предоставляемая коллективизмом государству. Неограниченная диктатура государства или общины при коллективизме. Антипатия социалистов к свободе. Каким образом коллективисты надеются уничтожить неравенство. Общая черта программ разных социалистических толков (sectes). Анархизм и его доктрина. Программы современных социалистов очень стары.

§ 4. *Социалистические идеи, как и разные учреждения у народов, суть последствия свойств их расы.* Важность идеи о расе. Различие в понятиях политических и социальных, скрывающихся под одинаковыми словами. Народы не в силах менять по своему желанию свои учреждения и могут только изменять их названия. Различие социалистических воззрений у писателей, принадлежащих к разным расам.

### § 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ.

Не было бы никакого интереса излагать политические и социальные идеи теоретиков социалистов, если бы эти идеи не отвечали иногда стремлениям и настроениям данной эпохи и тем не производили известного впечатления на умы. Если, как мы не раз настаивали и как постараемся показать далее, учреждения у данного народа суть плоды унаследованного им склада ума, а не продукт философских теорий, созданных во всей их целостности, то становится понятным ничтожество социалистических утопий и отвлеченно придуманных государственных учреждений. Но политики и ораторы в своих мечтаниях весьма часто лишь облачают в доступную для умов форму неясно сознаваемые стремления своей эпохи и своей расы. Редкие писатели, которым удавалось своими трудами оказать некоторое влияние на человечество, например, Адам Смит в Англии и Руссо во Франции, ничего другого не сделали, как в сжатой, но понятной форме выразили идеи, которые уже распространились повсюду. То, что эти писатели выразили, не ими создано. Только отдаленность во времени может вызвать заблуждение в этом отношении.

Если ограничить различные социалистические теории указанием только основных принципов, на которые они опираются, то наше изложение будет очень кратко.

Современные теории общественного строя при очевидном их различии могут быть приведены к двум взаимно противоположным основным принципам: индивидуализму и коллективизму. При индивидуализме каждый человек предоставлен самому себе, его личная деятельность достигает максимума, деятельность же государства в отношении каждого человека минимальна. При коллективизме, наоборот, самыми мелкими действиями человека распоряжается государство, т. е. общественная организация; отдельный человек не имеет никакой инициативы, все его действия в жизни предуказаны. Эти два принципа всегда вели более или менее напряженную борьбу, и развитие современной цивилизации сделало эту борьбу более ожесточенной, чем когда-либо. Сами по себе эти принципы не имеют никакой абсолютной цены и должны быть оцениваемы лишь в зависимости от времени и в особенности от характера рас, у которых они проявляются. В этом мы убедимся далее.

## § 2. ИНДИВИДУАЛИЗМ.

Все, что создало величие цивилизаций: наука, искусство, философские системы, религии, военное могущество и т. д. – было созданием отдельных личностей, а не общественных организаций. Важнейшие открытия и культурные успехи, которыми пользуется все человечество, были осуществлены отборными людьми, редкими и высшими продуктами некоторых наиболее даровитых рас. Народы, у которых индивидуализм наиболее развит, только благодаря этому и стоят во главе цивилизаций и господствуют ныне в мире.

В течение веков, т. е. в течение многих лет, предшествовавших нашему веку, общественная организация, по крайней мере у латинских народов, была всемогуща. Отдельная личность вне ее была ничто. Революция, венец всех доктрин писателей XVIII века, представляет, быть может, первую серьезную попытку реакции индивидуализма; но, освободив, по крайней мере в теории, отдельную личность, она ее изолировала от ее касты, от семьи, от социальных или религиозных групп, к которым она принадлежала, предоставив ее только самой себе и заменив, таким образом, общество разрозненными людьми, не имеющими взаимной связи.

Такая организация не могла долго удержаться у народов, мало приспособленных по своим наследственным свойствам, по своим учреждениям и своему воспитанию к тому, чтобы рассчитывать только на свои силы и управляться без руководителей. Такие народы жадно добиваются равенства, но мало интересуются свободой. Свобода – это состязание, непрестанная борьба, мать всякого прогресса; в ней могут торжествовать только самые способные, сильные люди; слабые же, как вообще в природе, осуждены на гибель. Только сильные могут переносить одиночество и рассчитывать лишь на самих себя. Слабые к этому не способны. Они скорее предпочтут самое тяжелое рабство, чем одиночество и отсутствие поддержки. Разрушенные революцией корпорации и касты служили человеку основной поддержкой в жизни, и очевидно, что они соответствовали психологической необходимости, ибо в настоящее время они всюду возрождаются под новыми именами, особенно под именем синдикатов. Эти синдикаты позволяют отдельным своим членам сводить свою работу к минимуму, тогда как индивидуализм требует от человека обратного. Предоставленный себе пролетарий – ничто и ничего не может сделать; в союзе с равными себе он становится грозной силой. Если синдикат и не может дать ему способностей и ума, то, по меньшей мере, придает ему силу, отнимая лишь свободу, которой он не сумел бы и воспользоваться.

Упрекали революцию в том, что она чрезмерно развила индивидуализм, но упрек этот не вполне справедлив. Форма индивидуализма, какой добилась революция, далека от той, которая развита у некоторых народов, например, англосаксов. Идеалом революции было разбить корпорации, подвести всех под общий тип и поглотить всех разъединенных таким образом граждан опекой сильной государственной централизации. Нет ничего противоположнее этого идеала англосаксонскому индивидуализму, который благоприятствует соединению отдельных личностей в группы и, посредством их, добивается всего, ограничивая деятельность государства тесными рамками. Создание революции было гораздо менее революционно, чем думают вообще. Преувеличив значение централизации и государственной опеки над гражданами, французская революция не более как продолжала традицию латинских народов, укореняющуюся в течение веков монархического режима и воспринятую равным образом всеми правительствами. Разрушив корпорации политические, рабочие, религиозные и др., она сделала эту централизацию и поглощение государством еще более полными, подчинившись, впрочем, таким образом внушениям всех философов своей эпохи.

Развитие индивидуализма неизбежно приводит к тому, что отдельная личность оказывается одинокой среди яростной борьбы appetitов. Расы молодые, сильные, среди которых нет большого различия в умственном развитии отдельных людей, каковы, например, англосаксы, легко мирятся с таким порядком. Посредством ассоциаций, английские и аме-

риканские рабочие отлично умеют бороться против требований капитала и не поддаются его тирании. Всякий интерес сумел, таким образом, отвоевать себе место. Но в расах старых, у которых в течение веков и благодаря системе воспитания инициатива ослабела, последствия развития индивидуализма были очень тяжелы. Философы минувшего века и революция, разрушая окончательно все религиозные и социальные связи: церковь, семью, касты, корпорации, поддерживавшие существование человека и служившие ему надежной опорой, рассчитывали, конечно, создать нечто крайне демократическое. В действительности же это разрушение совершенно непредвиденно породило финансовую аристократию, с подавляющим могуществом царствующую над массой незащитных разъединенных людей. Феодалный владетель не обращался так сурово со своими наемниками, как обращается иногда промышленный современный туз, король фабрик и заводов, со своими рабочими. Эти последние в теории пользуются всеми свободами и равноправны со своим хозяином, а на деле они чувствуют тяготеющие над собою, по крайней мере в виде угроз, тяжелые цепи зависимости и страх нищеты.

Стремление исправить такие непредвиденные последствия революции неминуемо должно было возникнуть, и у противников индивидуализма не было недостатка в основательных причинах для борьбы против него; им было нетрудно утверждать, что общественный организм важнее индивидуального, что интересы второго должны уступить интересам первого, что малоспособные и слабые люди имеют право на поддержку и что необходимо, чтобы общество само посредством нового распределения богатств уничтожило неравенство, созданное природой. Таким образом, возник современный социализм, сын древнего социализма, стремящийся, подобно последнему, изменить распределение богатства, разоряя богатых в пользу неимущих.

Средство для уничтожения неравенства в теории очень просто. Стоит только государству самому взять в руки распределение имуществ и непрестанно восстанавливать нарушающееся в пользу богатых равновесие. Из этой далеко не новой и столь соблазнительной с виду идеи возникли положения социалистов, которыми мы теперь и займемся.

### § 3. КОЛЛЕКТИВИЗМ.

Как я показал в предисловии к 3-му изданию, и странах с научными стремлениями, таких как Англия и Германия, сами социалисты начинают смотреть на коллективизм, как на неосуществимую утопию. В странах латинских, поддающихся сентиментальным идеям, коллективизм, наоборот, сохранился во всей силе. Социализм в безусловной форме значительно менее опасен в действительности, чем когда он проявляется и виде разных проектов, направленных к улучшению и регламентации условий труда. При безусловной форме социализма, грозящей разными разрушениями, опасность его видна, и с нею можно бороться. Под формой же любви к ближнему опасность эта не заметна, и социализм тогда легче принимается. Он проникает тогда во все элементы общественной организации и медленно разлагает их. Французская революция также началась проектами человеколюбивых реформ, очень невинного свойства, которые были приняты всеми партиями, даже теми, что должны были оказаться их жертвами. Она кончила кровавой резней и диктатурой.

Социалистические доктрины в своих подробностях очень разнятся между собой, но в основных своих принципах они весьма схожи. Общие стороны их заключает в себе коллективизм. Мы скажем несколько слов о его происхождении при изучении социализма в Германии. В настоящее время социализм подразделился на множество толков, но все они носят общий характер в стремлении прибегать к опеке государства, чтобы оно распределяло богатства и сглаживало несправедливости судьбы.

Основные предложения социалистов отличаются, по крайней мере, чрезвычайной простотой: государство конфискует капиталы, рудники и имущества, распоряжается этими госу-

дарственными богатствами и распределяет их между гражданами посредством огромной армии чиновников. Государство или, если угодно, община (коллективисты теперь не употребляют слова «государство») стала бы регламентировать все, не допускалась бы конкуренция. Самые слабые попытки инициативы, индивидуальной свободы и конкуренции были бы пресечены. Страна обратилась бы в громадный монастырь, подчиняющийся суровой дисциплине, которая поддерживалась бы армией чиновников. Так как наследственность имущества уничтожена, то накопление богатств в одних руках не могло бы иметь места.

Относительно же потребностей отдельных личностей коллективизм принимает во внимание почти только необходимость продовольствия и заботится только о нем.

Очевидно, что такой режим относительно регламентации распределения богатств представляет собой как безусловную диктатуру государства или, что совершенно то же, общины, так и не менее безусловное рабство рабочих. Но этот довод не мог бы тронуть последних. Они очень мало интересуются свободой, чему служит доказательством тот энтузиазм, с каким они приветствовали появление Цезарей. Они также очень мало озабочены всем, что составляет величие цивилизации: искусством, наукой, литературой и прочим; все это быстро исчезло бы в подобном обществе. Программа коллективизма, следовательно, не содержит в себе ничего, что могло бы казаться им антипатичным. За пропитание, обещаемое теоретиками социализма рабочим, «они будут выполнять свою работу под надзором государственных чиновников, как, бывало, ссыльные в каторге под зорким глазом и угрозой надсмотрщика. Всякая личная инициатива будет задушена и каждый работник будет отдыхать, спать, есть по команде начальников, приставленных к охране, пище, работе, отдыху и совершенному равенству между всеми». Не будет при этом поводов к стремлению улучшить свое положение или выйти из него. Это было бы самое мрачное рабство без всякой надежды на освобождение. Под властью капиталиста рабочий может, по крайней мере, мечтать сам сделаться капиталистом, что и бывает. О чем же он будет мечтать под игом безымянной и неизбежной деспотической тираний государства-уровнителя, предвидящего все нужды граждан и управляющего всеми их вожделениями? Бурдо<sup>13</sup> находит, что такая организация была бы очень похожа на организацию иезуитов Парагвая. Не будет ли она еще более похожа на организацию негров на плантациях в эпоху рабства?

Как ни ослеплены социалисты своими химерами и как ни убеждены они в могучей силе разных учреждений против экономических законов, наиболее смысленные из них не могли не признать, что огромным препятствием к осуществлению их системы служат те страшные природные неравенства, против которых всякие сетования всегда оказывались бесполезными. Если только не истреблять систематически в каждом поколении всех сколько-нибудь возвышающихся над уровнем самой скромной посредственности, то социальные неравенства, порождаемые неравенством умственным, скоро бы восстановились. Теоретики оспаривают серьезность этого препятствия, уверяя, что, благодаря новой искусственно созданной социальной среде, способности людей очень скоро сравнялись бы, и что личный интерес – этот двигатель человека и источник всякого прогресса до настоящего времени – сделался бы излишним и быстро сменился бы инстинктом любви к ближнему, которая сделала бы человека преданным общим интересам. Нельзя отрицать, что религии, по крайней мере в течение коротких периодов горячей веры вслед за их появлением, достигали некоторых подобных результатов; но они могли обещать своим верующим в награду селения праведных и вечную жизнь, тогда как социалисты не предлагают своим последователям взамен личной свободы ничего, кроме ада рабства и безнадежного унижения.

---

<sup>13</sup> Жан Бурдо – Корреспондент Французской Академии моральных и политических наук. Основные труды: «Германский социализм и русский нигилизм», «Эволюция социализма», «Социалисты и социологи» и другие.

Уничтожить последствия естественных неравенств в теории очень легко, но никогда не удастся уничтожить сами эти неравенства. Они как старость и смерть – роковая участь человека.

Но когда не выходят из области мечтаний, легко обещать все и, как Прометей Эсхила, «вселять в души смертных слепые надежды». И так, человек изменится, чтобы приспособиться к новому созданному социалистами обществу. Разъединяющее людей различие между ними исчезнет, и останется только тип среднего человека, так метко определяемый математиком Бертраном: «без страстей и пороков, ни глуп, ни умен, средних мнений, средних воззрений, умирает в среднем возрасте от некоторой средней болезни, которую изображает статистика».

Предлагаемые социалистами разных толков приемы осуществления их положений, различаясь по форме, преследуют одну и ту же цель. В конце концов они сводятся к возможно быстрому сосредоточению земель и богатств в руках государства, будет ли то достигнуто путем простого указа или огромным повышением пошлин на наследство, при котором фамильные состояния уничтожились бы через небольшое число поколений.

Перечень программ и теорий разных толков социализма не представляет интереса, так как в настоящее время между всеми ими господствует коллективизм, и он один пользуется влиянием, по крайней мере в латинских странах. К тому же большая часть этих толков уже забыта. Так, например, по справедливому замечанию Леона Сэ, «христианский социализм, стоявший во главе движения 1848 года, в настоящее время отходит в последние ряды». Что касается государственного социализма, то только название его изменилось, в сущности же он не что иное, как современный коллективизм.

Относительно христианского социализма справедливо замечают, что во многом он сходится с современными доктринами. Бурдо говорит: «церковь, подобно социализму, не придает никакого значения уму, таланту, изяществу, самобытности, личным дарованиям. *Индивидуализм* церковь принимает за синоним *эгоизма*; и то, что она всегда старалась вселить в людях, имел целью и социализм: *братство под опекой власти*. Та же международная организация, то же отрицание войны, то же понимание страданий и нужд общественных. По мнению Бебеля, папа с высоты Ватикана лучше всего может видеть, как на горизонте собираются грозные тучи. Папство было бы даже способно сделаться опасным конкурентом для революционного социализма, если бы оно решительно стало во главе мировой демократии».

Программа христианских социалистов весьма мало отличается в настоящее время от программы коллективистов. Но другие социалисты в своей ненависти ко всякой религиозной идее отстраняют христианских социалистов, и если бы когда-либо революционный социализм восторжествовал, то, конечно, эти социалисты оказались бы первыми его жертвами, и никто бы не пожалел об их участи.

Из разных толков социализма, появляющихся и исчезающих чуть не ежедневно, анархизм заслуживает особого упоминания. Социалисты-анархисты в теории как будто прижимают к индивидуализму, так как стремятся предоставить каждому человеку неограниченную свободу, но в действительности их следует рассматривать лишь как нечто вроде крайней левой фракции социализма, так как они также добиваются разрушения современного общественного строя. Их теория характеризуется той прямолинейной простотой, которая составляет основную черту всех социалистических утопий: общество не стоит ничего, разрушим его огнем и мечом. Естественным путем образуется новое, очевидно совершенное, общество. Вследствие каких чудес новое общество могло бы отличаться от предшествующего? Вот чего ни один анархист никогда не сказал. Напротив, вполне очевидно, что если современные цивилизации были бы совершенно уничтожены, то человечество прошло бы вновь все последовательные формы быта: дикость, рабство, варварство и т. д. Непонятно, что выиграли бы при этом анархисты. Допустим немедленное осуществление анархических

мечтаний, т. е. расстрел всех буржуа, соединение в одну громадную массу всех капиталов, которыми стал бы пользоваться всякий участник по своему желанию. Каким образом этот капитал стал бы восполняться, когда израсходуется и когда все анархисты временно обратились бы сами в капиталистов?

Как бы то ни было, анархисты и коллективисты представляют единственные толки, пользующиеся теперь влиянием у латинских народов.

Коллективисты считают творцом своих теорий немца Маркса, между тем, они значительно старше. Их находят у древних писателей до мелких подробностей. Не восходя столь далеко, можно заметить вместе с Токвилем, писавшим в середине XIX века, что все социалистические теории пространно изложены в «Code de la Nature»),<sup>14</sup> изданном Морелли в 1755 г.

Там вы найдете, вместе со всеми учениями о всемогуществе государства и неограниченности его прав, многие политические теории, которые наиболее пугали Францию в последнее время и которые мы считали зарождающимися как будто бы при нас: общность имущества, право на труд, безусловное равенство, однообразие во всем, механическая правильность во всех действиях отдельных лиц, тирания регламентаций, полное поглощение личности граждан в социальном строе.

«Ничто в обществе не будет собственностью кого бы то ни было, – гласит первый параграф. – Каждый гражданин будет кормиться, содержаться и получать работу от общества, – говорит второй параграф. – Все продукты будут собираться в общественные магазины и оттуда распределяться между гражданами для удовлетворения их жизненных потребностей. Все дети в возрасте 5 лет будут отниматься от семьи и воспитываться вместе за счет государства вполне однообразно и т. д.»

#### § 4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ, КАК И РАЗНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ У НАРОДОВ, СУТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ СВОЙСТВ ИХ РАСЫ.

Идею о расе еще так недавно очень мало понимали; теперь же она все более и более распространяется и принимает господствующее значение во всех наших представлениях – исторических, политических и общественных.

Значение расы, которое можно было бы считать элементарным данным, в настоящее время для многих, однако, остается еще совершенно непонятным. Это мы видим, например, в одной из последних книг Новикова,<sup>15</sup> где он придает расе «малое значение в делах человеческих». Он полагает, что негр легко может сравняться с белым и т. д.

Такие утверждения показывают только, насколько, как выражается сам автор, «в области социологии довольствуются еще звонкими фразами вместо внимательного изучения явлений». Все, что Новикову не понятно, он называет противоречием, и авторы иного мнения причисляются к пессимистам. Такая психология, конечно, столь же легка, сколь и элементарна. Чтобы допустить «малое значение расы в делах человечества», надо совершенно не знать истории Сан-Доминго, Гаити, истории 22 испано-американских республик и истории Северо-Американских Штатов. Не признавать значения расы – значит лишить себя навсегда способности понимать историю.

В одном из наших трудов<sup>16</sup> мы показали, каким образом народы, соединяясь и смешиваясь случайно при эмиграциях и завоеваниях, образовали мало-помалу исторические расы, единственно существующие в настоящее время, так как расы чистые в антропологическом отношении можно встретить только у дикарей. Установив твердо это понятие, мы указали

<sup>14</sup> «Кодекс природы, или истинный дух ее законов». В 1755 г. книга вышла анонимно.

<sup>15</sup> Яков Александрович Новиков (1850–1912) – русский писатель-социолог, психолог. Писал и основном по-французски, его работы на русский язык не переводились.

<sup>16</sup> «Психология народов и масс».

границы изменений признаков этих рас, т. е. каким образом на данной постоянной основе наслаиваются неустойчивые и изменчивые особенности характеров. Мы показали затем, что все элементы цивилизации: язык, искусство, обычаи, учреждения, верования, будучи следствием известного умственного склада, при переходе от одного народа к другому не могут не подвергаться глубоким изменениям. То же относится и к социализму. Он должен подчиниться этому общему закону изменений. Вопреки обманчивым названиям, которые в политике, как в религии и в морали, прикрывают собой совершенно разнородные вещи, одинаковые в этих названиях слова выражают разные политические и социальные понятия, а также и разные слова выражают иногда одни и те же понятия. Некоторые латинские народы живут под монархическим режимом, другие – под республиканским, но при этих политических формах, по названию столь противоположных, политическая роль государства и каждого отдельного человека остается у них одна и та же и представляет собой неизменный идеал расы. Под каким бы именем ни существовало у латинских народов правление, инициатива государства всегда будет преобладающей, а инициатива частных лиц очень слабой. Англосаксы при монархическом или республиканском режиме руководствуются идеалом, совершенно противоположным латинскому. У них роль государства доведена до минимума, тогда как политическая или социальная роль предоставляется, напротив, частной инициативе и доведена до своего максимума.

Из изложенного следует, что наименования и свойства учреждений играют очень ничтожную роль в жизни народов. Понадобится, вероятно, еще несколько веков, чтобы это понятие было усвоено народными массами.<sup>17</sup> А между тем, только тогда, когда массы проникнутся этой идеей, обнаружится с полной очевидностью бесполезность искусственных конструкций и революций. Из всех ошибок, порожденных историей, самая губительная та, ради которой пролилось без пользы всего больше крови и произведено всего больше разрушений; эта ошибка – мысль, что всякий народ может изменить свои учреждения по своему желанию. Все, что он может сделать – это изменить названия, дать новые имена старым понятиям, представляющим собой естественное развитие долгого прошлого.

Оправдать эти положения можно только примерами. Таких примеров мы привели немало в наших предыдущих трудах,<sup>18</sup> но изучение социализма у разных рас, которому посвящено несколько следующих глав, даст нам еще много других. Мы прежде всего покажем, каким образом появление социализма было подготовлено у данного народа умственным складом его расы и его историей. Мы увидим, что одни и те же социалистические доктрины не могут иметь успеха у других народов, принадлежащих к иным расам.

---

<sup>17</sup> Недостаточно усвоено оно и образованными людьми, по крайней мере латинской расы. В одной замечательной статье нью-йоркской газеты «Evening Post» за 1 апреля 1898 года по поводу идеи выдающегося французского писателя Брюнетьера редактор газеты выражается так: «Характер, а не учреждения, создает величие народов, как отлично показал это Гюстав Лебон и своей новой книге. Ошибка Брюнетьера и его собратьев состоит в том, что они считают возможным создать величие народов законами, увеличением армии и флота или заменой избирательной системы». Речи политических деятелей всех партий латинских народов показывают, до какой степени политики исповедуют воззрения Брюнетьера. Их воззрения являются не личными, а общерасовыми.

<sup>18</sup> «Психологические законы эволюции народов», «Психология народов и масс».

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ СОЦИАЛИЗМА И ИХ УМСТВЕННЫЙ СКЛАД

§ 1. *Классификация последователей социализма.* Общая связь между разными категориями социалистов. Необходимость раздельного изучения разных групп последователей социализма.

§ 2. *Рабочие классы.* Ремесленники и чернорабочие. Различие социалистических представлений у этих классов. Психология парижского рабочего. Его смысленность и дух независимости. Его превосходство над классом чиновников. Беспечный и импульсивный характер этого рабочего. Его художественное чутье. Его консервативные инстинкты. Его общительность и отсутствие эгоизма. Наивная простота его политических взглядов. Чем представляется ему правительство? Класс парижских рабочих окажется наиболее неподатливым к восприятию социализма.

§ 3. *Правящие классы.* Успехи сентиментального социализма в образованных классах. Причины этих успехов. Заразительность примера, влияние страха, скептицизма и равнодушия.

§ 4. *Полученные и доктринеры.* Что такое полученный? В каком случае можно быть одновременно и полученным и весьма образованным? Полученный, воспитанный на книгах, всегда останется чуждым окружающей его действительности. Быстрое развитие социализма в среде полученных. Гибельная роль высших учебных заведений и их питомцев. Доктринеры. Их непонятливость и наивность.

### § 1. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА.

Понятие о социализме охватывает весьма разнообразные теории, и на первый взгляд, очень противоречивые. Армия последователей этих теорий не имеет почти никакой другой взаимной связи, кроме ненависти к существующему порядку вещей и неопределенных стремлений к новому идеалу, который должен улучшить положение и заменить старые верования. Хотя все эти последователи дружно идут к разрушению наследия прошедших времен, но одушевлены они весьма различными чувствами.

Только при отдельном изучении главнейших их групп можно несколько выяснить их психологию и, следовательно, их восприимчивость к новым доктринам.

Социализм, казалось бы на первый взгляд, должен приобрести больше всего последователей в низших слоях народа и особенно среди рабочих. Новая идея является в самой простой и, следовательно, самой общепонятной форме: поменьше работы и побольше наслаждений. Взамен неопределенного заработка, часто нищеты в старости, подчинения фабричным правилам, подчас очень тяжелым, им обещают создать такое обновленное общество, в котором, при новом распределении богатств всемогуществом государства, работа станет отлично оплачиваться и очень облегчиться.

Перед такими блестящими и так часто повторяемыми обещаниями, казалось бы, низшие классы не могут колебаться, особенно тогда, когда, имея право посредством всеобщего голосования выбирать законодателей, они держат всю власть в своих руках. Тем не менее они колеблются. То, что наиболее бросается в глаза в настоящее время, это не быстрота распространения пропаганды новых доктрин, а, напротив, относительная его медленность. Нужно изучить, что сейчас мы и сделаем, разные категории приверженцев социализма, чтобы понять это различие влияний его в разных средах.

Мы последовательно рассмотрим с этой точки зрения следующие категории: рабочие классы, правящие классы, класс так называемых полученных и доктринеров.

## § 2. РАБОЧИЕ КЛАССЫ.

Психология рабочих классов, в зависимости от ремесла, места и среды, слишком разнообразна для того, чтобы могла быть изложена подробно. На это потребовалось бы очень долгое и утомительное исследование, требующее большой наблюдательности, почему, вероятно, и не было сделано попыток в этом направлении.

Я ограничусь изучением рабочего класса вполне определенного, а именно парижского. Рабочий класс Парижа я мог изучить с некоторой основательностью. Парижские рабочие представляют особый интерес, так как именно в Париже всегда происходят наши революции. Последние удаются или не удаются в зависимости от того, имеют или не имеют вожаки за собой парижский рабочий класс.

Этот интересный класс содержит в себе, очевидно, много разновидностей; но подобно естествоиспытателю, описывающему общие характерные черты данного рода, присущие всем относящимся к нему видам, мы коснемся лишь характерных свойств, общих большинству наблюдаемых разновидностей.

Существует, однако, одно подразделение, которое необходимо отметить с самого начала, чтобы не соединять вместе элементы слишком различающиеся. В самом деле, в рабочем классе наблюдаются две резко отличающиеся категории, каждая со своей особой психологией: чернорабочие и ремесленники.

Класс чернорабочих – самый низший по умственным способностям, но и самый многочисленный. Он – непосредственный продукт развития машинного производства и растет с каждым днем. Совершенствование машин стремится все к большей автоматичности работы, и, следовательно, уменьшает все более и более степень умственных способностей, необходимую для ее выполнения. Роль фабричного рабочего только и ограничивается тем, чтобы постоянно направлять проход какой-нибудь нитки или проталкивать сквозь зубцы какие-либо металлические пластинки, которые сами складываются, выковываются и чеканятся. Обиходные предметы, например простые фонари для освещения рвов и канав, стоящие всего 5 су, состояются из 50 разных частей, из них каждая выделяется специальным рабочим, который ничего другого и не будет делать в течение всей своей жизни. Такая легкая работа роковым образом и оплачивается плохо, тем более что для ее исполнения имеется много конкурентов, женщин и детей, так же способных на нее. Незнакомый ни с какой другой работой, чернорабочий находится поневоле в полной зависимости от директора фабрики, на которой работает.

Социализм более всего может рассчитывать на чернорабочий класс потому, во-первых, что он наименее умственно развит, а во-вторых – потому что он и менее обеспечен, и поэтому поневоле увлекается всеми доктринами, обещающими улучшить его положение. Этот класс никогда сам не начнет революции, но послушно примкнет ко всякой.

Рядом или, вернее, значительно выше этой категории стоят ремесленники. К ним принадлежат рабочие на постройках, в механических мастерских, занятые промышленными искусствами и в мелкой промышленности: плотники, столяры, цинковщики, литейщики, электротехники, маляры, декораторы, каменщики и т. д. У них каждый день новая работа, представляющая новые затруднения, для преодоления которых нужно размышлять, что способствует умственному развитию.

Эта категория – самая распространенная в Париже; ее, главным образом, я и буду иметь в виду в последующем исследовании. Психология этой категории особенно интересна, так как характер ее вполне определенный, чего нет в большинстве других социальных категорий.

Парижские ремесленники составляют касту, из которой редко кто пытается выйти. Сын рабочего желает, чтобы его сыновья оставались рабочими, мечта крестьянина и мелкого служащего – изменить общественный статус своих сыновей.

Мелкий чиновник презирает ремесленника, но последний относится к первому еще с большим презрением, считает его лентяем, лишенным способностей. Он сознает, что уступает чиновнику в щегольстве одежды, в утонченности манер, но зато считает себя значительно выше в отношении энергии, деятельности и смысленности, что очень часто так и бывает. Ремесленник преуспевает только благодаря своим достоинствам, чиновник – благодаря выслуге лет. Чиновник ничего не представляет вне своей корпорации. Ремесленник – самостоятельная единица, имеющая цену сама по себе. Если ремесленник хорошо знает свое дело, он уверен, что для него найдется работа везде, тогда как чиновник не может иметь такой уверенности; поэтому этот последний всегда дрожит перед своим начальством, которое может лишить его места. Ремесленник, напротив, имеет гораздо больше достоинства и независимости. Чиновник не способен действовать вне узких рамок известных правил, и вся его служба состоит в соблюдении этих правил. Ремесленник, наоборот, каждый день встречается с новыми затруднениями, которые возбуждают в нем предприимчивость и наводят на размышления. Наконец, ремесленник, лучше оплачиваемый, чем чиновник, и не имеющий надобности в одинаковых с ним расходах на внешнюю атрибутику, может вести гораздо более широкую жизнь. Мало-мальски способный ремесленник 25 лет от роду может без затруднений зарабатывать столько, сколько служащий по торговой или административной части может получить лишь через 20 лет службы. Не ремесленник, а чиновник – настоящий современный пария, вот почему последний является всегда ярким социалистом. Но, впрочем, он социалист не особенно опасный: почти не имея возможности бастовать и вступать в синдикаты, постоянно опасаясь потерять место, он принужден скрывать свои мнения.

Психологические особенности, к описанию которых я сейчас приступлю, настолько общи, что могут быть отнесены к большей части парижских ремесленников одной и той же расы. Но к рабочим разных рас эти описания не подойдут в силу того, что влияние расы гораздо сильнее влияния среды. Я покажу в другой части этого труда, насколько отличаются англичане от ирландцев, работающих в одной и той же мастерской, т. е. в одинаковых внешних условиях. То же самое мы легко увидели бы и в Париже, если бы сравнили парижского рабочего с итальянским или немецким, работающими в одних и тех же условиях, т. е. подчиняющимися одинаковым влияниям обстановки. Оставляя в стороне это исследование, мы ограничимся только указанием, что эти влияния расы ясно сказываются на парижских рабочих, пришедших из некоторых провинций, например из округа Лиможа. Многие из указанных ниже психологических черт характера совершенно чужды этим последним. Лиможский рабочий воздержан, терпелив, молчалив, не любит ни шума, ни роскоши. Не посещая ни кабаков, ни театров, он только и мечтает скопить некоторую сумму и вернуться к себе в деревню. Он ограничивается небольшим числом ремесел, тяжелых, но очень хорошо оплачиваемых (например, каменщика), и в этих ремеслах им очень дорожат за его воздержанность и исполнительность.

Установив эти основные начала и эти подразделения, мы рассмотрим теперь психологию парижских рабочих, имея в виду преимущественно ремесленников. Вот самые характерные черты их умственного склада.

Парижский рабочий приближается к первобытным существам по своей легко воспламеняющейся натуре, по своей непредусмотрительности, по неспособности владеть собой и своей привычке руководствоваться только инстинктом минуты; но он одарен художественным и подчас критическим чутьем, весьма утонченным под влиянием среды, в которой он живет. Вне своего ремесла, которое он отлично исполняет, не столько, однако, в отношении точности отделки, сколько в отношении вкуса, он рассуждает мало или плохо и почти недоустан другой логике, кроме логики чувств.

Он любит жаловаться и браниться, но жалобы эти более пассивны, чем активны. В сущности он очень консервативен, большой домосед и не терпит перемен. Безразлично отно-

сясь к политическим доктринам, он всегда легко подчинялся всякому режиму, лишь бы во главе его стояли люди, имеющие престиж. Генеральский мундир всегда возбуждает в нем некоторое почтительное волнение, которому он почти не может противиться. Он легко поддается фразам и престижу, а отнюдь не доводам разума.

Он очень общителен, ищет компании товарищей и только для того и посещает винные лавки – настоящие народные клубы. Не потребность в спирте привлекает его туда, как многие думают. Вино только предлог, который, конечно, может обратиться и в привычку, но собственно не вино притягивает рабочего в кабак.

Если он уходит в кабак от семьи, как буржуа в клуб, то это происходит от того, что домашняя обстановка не имеет ничего особенно притягательного. Жена рабочего, или, как он ее называет, хозяйка, обладает несомненными качествами: она бережлива и предусмотрительна, но ничем другим не интересуется, кроме своих детей, ценами на продукты и покупками. Совершенно недоступная общим идеям и страстным рассуждениям, она принимает участие в них только тогда, когда кошелек и буфет пусты. Она, конечно, уже никогда не подала бы голос за стачку только из принципа.

Частые посещения винных лавок, театров, общественных собраний парижским рабочим вызываются его потребностью в возбуждении, общительности, в волнении и упоении фразами и шумными спорами. Разумеется, по мнению моралистов, он поступил бы лучше, оставаясь благоразумно дома. Но для этого ему нужно было бы иметь вместо своего умственного склада рабочего мозг моралиста.

Политические идеи иногда захватывают рабочего, но он почти никогда ими не проникается. Он способен на один миг стать бунтовщиком, дойти до неистовства, но никогда не может обратиться в фанатика идеи. Он слишком легко поддается минутному увлечению, чтобы какая-либо идея могла укорениться в нем. Его неприязнь к буржуа сеть чаще всего неглубокое напускное чувство, происходящее просто от того, что буржуа богаче его и лучше одет.

Надо очень мало знать парижского ремесленника, чтобы предполагать в нем способность горячо преследовать осуществление какого-либо идеала, социального или другого. Идеал у рабочего если и бывает, то менее всего революционный, менее всего социалистический и самый что ни на есть буржуазный: всегда маленький домик в деревне, с условием, чтобы он был неподалеку от винной лавки.

Он очень доверчив и великодушен. Он очень охотно, и нередко стесняя себя во многом, дает у себя приют своим товарищам в затруднительном положении и постоянно оказывает им множество мелких услуг, каких светские люди при тех же обстоятельствах никогда не оказали бы друг другу. Он не имеет никакого эгоизма и в этом отношении стоит значительно выше чиновника и буржуа, эгоизм которых, напротив, очень развит. С этой точки зрения он заслуживает симпатии, которой буржуа не всегда достоин. Развитие эгоизма в высших классах, как надо полагать, есть неперемнное следствие их состоятельности и культуры и, притом, пропорциональное этим данным. Только бедняк действительно готов всегда подать руку помощи, так как только он может действительно чувствовать, что такое нищета.

Это отсутствие эгоизма, при той легкости, с какою рабочий готов восторгаться личностями, успевшими его очаровать, придает ему способность жертвовать собой если не ради торжества какой-либо идеи, то, по крайней мере, ради вожаков какого-либо движения, сумевших завоевать его сердце. Свежая еще в памяти затея Буланже дает поучительный в этом смысле пример.<sup>19</sup>

---

<sup>19</sup> Имеется в виду движение за пересмотр республиканской конституции 1875 года и роспуск парламента, возглавленное генералом Жоржем Буланже в 1887–1889 г.г.

Парижский рабочий охотно подсмеивается над религией, но в душе чувствует к ней бессознательное почтение. Его насмешки никогда не относятся к самой религии как верованию, а только к духовенству, которое он считает как бы частью правительства. Свадьбы и похороны без участия церкви редки в парижском классе рабочих. Брак, заключенный только в мэрии, не удовлетворяет его. Его религиозные инстинкты, склонность подчиняться каким бы то ни было верованиям, политическим, религиозным или социальным, трудно искоренимы. Такая склонность когда-нибудь послужит залогом успеха социализма, который в сущности не что иное, как новый символ веры. Если пропаганда социализма среди рабочих удастся, то отнюдь не потому, как думают теоретики, что рабочие удовлетворятся его обещаниями, а под влиянием бескорыстной преданности, которую проповедники социализма сумеют в них возбудить.

Политические понятия у рабочих – самые простые и крайне наивные. Правительство для него – это таинственная неограниченная власть, которая по произволу может повышать или понижать заработную плату, но вообще враждебная рабочим и благоприятствующая хозяевам. Всякие свои невзгоды рабочий считает непременно следствием ошибок правительства, и потому легко соглашается на его смену. Впрочем, он очень мало заботится о том, какого собственно рода и устройства это правительство, признавая только, что оно вообще необходимо. По его мнению, то правительство хорошо, которое покровительствует рабочим, способствует повышению заработной платы и притесняет хозяев. Если рабочий проявляет симпатию к социализму, то только потому, что видит в нем правительство, которое повысило бы заработок, сократив число рабочих часов. Если бы он мог себе представить, какой системе регламентации и надзора социалисты предполагают подчинить его в том обществе, о котором он мечтает, он тотчас же сделался бы непримиримым врагом новых доктрин.

Теоретики социализма полагают, что хорошо знают душу рабочих классов, а в действительности они очень мало ее понимают. Они воображают, что вся сила убедительности заключается в аргументации и в рассуждениях. В действительности же, ее источники совсем иные. Что остается в душе народа от всех их речей? Поистине, очень мало. Если умело расспросить рабочего, считающего себя социалистом, и оставить при этом в стороне избитые, искусственные фразы, банальные, машинально повторяемые им проклятия капиталу, то обнаружится, что социалистические идеи рабочего представляют собой какую-то неопределенную мечту, очень похожую на мечты первых христиан. В далеком будущем, слишком далеком для того, чтобы произвести на него достаточно сильное впечатление, ему мерещится наступление царства бедных, бедных материально и духовно, царства, из которого тщательно будут исключены богатые, богатые деньгами или умственными способностями.

Какими средствами эта отдаленная мечта может осуществиться – рабочие о том вовсе не думают. Теоретики, очень мало понимая их душу, не подозревают, что социализм, когда он захочет перейти от теории к практике, именно в народных слоях встретит самых неотразимых врагов. Рабочие и еще более крестьяне, имеют столь же развитую, как и у буржуа, склонность к собственности. Они очень желают увеличить свое имущество, но с тем, чтобы самим по своему желанию распоряжаться плодами своего труда, а не предоставлять это какой-нибудь общественной организации, даже если бы эта организация обязывалась удовлетворять все потребности своих членов. Это чувство сложилось веками и всегда встанет несокрушимой стеной перед всякой серьезной попыткой коллективизма.

Несмотря на буйный, порывистый нрав рабочего, готового всегда примкнуть к зачинщикам революции, он очень привязан к старине, большой консерватор, он очень самовластен и деспотичен. Он всегда приветствовал тех, кто разрушал алтари и троны, но еще одушевленнее приветствовал тех, кто их восстанавливал. Когда случай делает его хозяином какого-либо предприятия, он держит себя, как неограниченный монарх, значительно более

тяжелый для своих бывших товарищей, чем хозяин буржуа. Генерал дю Барайль описывает следующим образом психологию рабочего, переселившегося в Алжир, чтобы сделаться там колонистом, роль которого попросту заключается в принуждении туземцев работать из-под палки: «он проявлял все инстинкты феодальных времен; выйдя из мастерских большого города, он говорил и рассуждал, как сподвижники Пипина Короткого или Карла Великого или как рыцари Вильгельма Завоевателя,<sup>20</sup> которые выкраивали себе обширные поместья во владениях завоеванных народов».

Всегда насмешливый, подчас остроумный, парижский рабочий ловко схватывает комическую сторону вещей и в политических событиях преимущественно ценит забавную сторону или слишком резкие проявления какого-либо события. Его очень забавляют нападки депутата или журналиста на какого-либо министра, но мнения, защищаемые министром и его противниками, мало интересуют рабочего. Споры с перебранками его занимают, как спектакль в Амбигю.<sup>21</sup> К рассуждениям с разными доводами он совершенно равнодушен.

Этот характерный склад ума проявляется также в приемах и манере споров у рабочего, и их можно наблюдать в политических народных собраниях. Он всегда разбирает не значения данного мнения, а только достоинства того, кто это мнение излагает. Его может увлечь только личный престиж оратора, а не рассуждения его. Он не нападает, собственно, на мнения оратора, который ему не нравится, а набрасывается исключительно на самую личность оратора. Честность противника в споре сейчас же подвергается сомнению, и этот противник должен считать себя счастливым, если его просто обзывают негодяем и, кроме брани, он не получит в голову чего-либо другого. Споры в политических собраниях, как известно, неизменно сводятся к диким перебранкам и потасовкам. Это, впрочем, порок расы, а не исключительно рабочего класса. Многие не могут слушать человека, высказывающего несогласное с их взглядами мнение, и не остаются внутренне убежденным, что он круглый идиот или гнусный злодей. Понимание чужих идей было всегда недоступно для людей латинской расы.

Импульсивный, беззаботный, подвижный и буйный характер парижских рабочих всегда им мешал вступать в сообщества, как делают то английские рабочие при больших предприятиях. Эта упорная неспособность делает их беспомощными при отсутствии общего над ними руководства и в силу только этого обрекает их на вечную опеку. Они ощущают неисцелимую потребность иметь над собой руководителя, которого они могли бы беспрестанно делать ответственным за все, что с ними случается. И в этом опять видна особенность расы.

Единственным вполне осязаемым результатом социалистической пропаганды в рабочих классах явилось распространение среди них того мнения, что они эксплуатируются своими хозяевами и что с переменой правительства их заработок увеличится одновременно со значительным сокращением работы. Консервативные инстинкты большинства из них препятствуют им, однако, вполне согласиться с этим мнением. На выборах в палату депутатов в 1893 году на 10 миллионов избирателей только 556.000 голосовали за депутатов-социалистов, и таковых оказалось только 49. Такой маленький процент, увеличившийся только, по-видимому, на выборах в 1898 году, показывает, как прочны консервативные инстинкты рабочего класса.

Есть, впрочем, основная причина, которая будет чрезвычайно препятствовать распространению социалистических идей (по крайней мере, у парижских рабочих). Число мелких собственников и мелких акционеров среди рабочего класса имеет повсюду склонность возрастать. Как бы ни был мал домик, как бы ни была незначительна акция или даже часть

<sup>20</sup> Пипин Короткий и Карл Великий – франкские короли. Вильгельм Завоеватель – король Англии. Прославились политикой экспансии.

<sup>21</sup> Амбигю – название одного из парижских театров.

акции, они преобразовывают своего владельца в расчетливого капиталиста и изумительно развивают его инстинкты собственности. Как только рабочий обзаведется семьей, домашним очагом и сделает некоторые сбережения, он тотчас же делается упорным консерватором. Социалист и особенно социалист-анархист чаще всего холост, без домашнего очага, без семьи и без средств, т. е. кочевник, а кочевник всегда, во все эпохи истории, был необузданным варваром. Когда экономическая эволюция обратит рабочего в собственника хотя бы самой небольшой части той фабрики, на которой он работает, его понятия об отношении между капиталом и трудом изменятся в корне. Доказательством тому могут служить некоторые фабрики, где такое преобразование уже сделано, а также и сам склад ума крестьянина. Крестьянину вообще живется значительно тяжелее, чем городскому рабочему, но крестьянин в большинстве случаев владеет пашней и уже по этой простой причине почти никогда не бывает социалистом. Он бывает им только тогда, когда в его неразвитой голове зародится мысль о возможности поживиться пашней соседа, не уступая, разумеется, своей.

На основании изложенного можно сказать, что парижские рабочие, на которых так много рассчитывают социалисты, окажется именно менее всего восприимчивым к социализму. Пропаганда социалистов возбудила разные вожделения и ненависть, но новые доктрины неглубоко запали в душу народа. Весьма возможно, что вследствие какого-либо из тех событий, за которые рабочий всегда делает ответственным правительство, например, продолжительная безработица или иностранная конкуренция, ведущая к понижению заработной платы, социалистам удастся вербовать в ряды революции рабочих, но эти же самые рабочие живо пристанут к цезарю, который явится, чтобы подавить эту революцию.

### § 3. ПРАВЯЩИЕ КЛАССЫ.

«Много содействует успеху социализма, – как пишет де Лавелей (de Laveleye), – то обстоятельство, что он понемногу охватывает образованные классы».

Причины тому, как думаем мы, различны: заразительность модных вероучений, страх, потом – равнодушие.

«Большая часть буржуазии, – пишет Гарофало,<sup>22</sup> – хотя и смотрит с некоторой боязнью на социалистическое движение, думает, что теперь это движение уже неотразимо и неизбежно. В том числе есть чистосердечные натуры, наивно влюбленные в идеал социалистов и видящие в нем стремление к царству справедливости и всеобщему счастью».

Это не что иное, как выражение поверхностного, неразумного чувства, воспринятого, как нечто заразительное. Принимать политическое или социальное воззрение только тогда, когда, по зрелом размышлении, оно оказывается соответствующим действительности, есть такой умственный процесс, к какому, по-видимому, не способно большинство латинских умов. Если бы мы при этом проявляли хотя бы незначительную часть того здравого смысла и обдуманности, какими пользуются последний лавочник при заключении торговых сделок, то мы не были бы, как теперь, в вопросах политики и религии под властью моды, обстановки, чувств, и, следовательно, не блуждали бы по воле событий и мнений, господствующих в данный момент.

Эти модные мнения составляют одну из главных причин принятия или непринятия доктрин. Для громадного большинства людей нет других причин. Страх перед мнением глупцов представлял собой всегда один из важных факторов истории.

В настоящее время социалистические стремления значительно более распространены среди буржуазии, чем в народе. Они распространяются в ней с особой быстротой в силу

---

<sup>22</sup> Рафаэль Гарофало – знаменитый итальянский криминалист, один из основателей школы позитивной криминологии. Основной труд «Криминология» (1885).

простой заразительности. Философы, литераторы и артисты покорно примыкают к движению и деятельно содействуют его распространению, ничего, впрочем, в нем не понимая.

«Скажем без преувеличения, – пишет Бурдо, – что в палате из 50 депутатов-социалистов найдется, пожалуй, дюжина знающих в точности, что они понимают под словом «социализм», и способных объяснить это толково. Даже те, которые принадлежат к сектам, возникшим под влиянием разных теорий, упрекают друг друга в невежестве... Большая часть социалистов, даже среди вожаков, – социалисты по инстинкту; социализм для них есть энергичная формула выражения недовольства и возмущения».

Театр, книги, картины все более и более пропитываются чувствительным, слезливым и смутным социализмом, вполне напоминающим гуманизм правящих классов времен революции. Гильотина не замедлила им показать, что в борьбе за жизнь нельзя отказываться от самозащиты, не отказываясь вместе с тем и от самой жизни. Историк будущего, видя всю легкость, с какой высшие классы в настоящее время все более и более выпускают из рук оружие, с полным презрением отметит их прискорбную недалекость и не пожалует их.

Еще один двигатель социализма в среде буржуазии – это страх. «Буржуазия, – пишет только что упомянутый мною автор, – страшится; нерешительная, она идет ощупью и надеется спастись посредством уступок, забывая, что это как раз один из безумейших приемов политики и что нерешительность, мировые сделки, желание угодить всем суть недостатки характера, за которые, в силу вечной несправедливости, мир всегда жестоко наказывал, сильнее, чем за преступления».

Последнее из чувств, о котором я говорил, равнодушие, если и не содействует прямо распространению социализма, то облегчает его, мешая бороться с ним. Скептическое равнодушие или, как говорят, «наплеватьство» есть серьезная болезнь современной буржуазии. Когда воззвания и нападки возрастающего меньшинства, горячо добивающегося осуществления какого-нибудь идеала, встречают на пути только равнодушие, можно быть уверенным, что торжество такого меньшинства близко. Кто злейший враг общества – тот ли, кто на него нападает, или тот, кто даже не дает себе труда его защищать?

#### § 4. ПОЛУУЧЕННЫЕ И ДОКТРИНЕРЫ.

Полуучеными я называю тех, кто не имеет других знаний, кроме книжных, и, следовательно, не имеет никакого понятия о действительной жизни. Они – продукт наших университетов и школ, этих жалких «фабрик вырождения», с губительной деятельностью которых нас познакомил Тэн<sup>23</sup> и многие другие. Профессор, ученый, студент нередко многие годы и очень часто на всю жизнь остаются полуучеными. Молодой англичанин, молодой американец, который уже 18-ти лет от роду объездил свет, познакомился с технической деятельностью и умеет обходиться сам собою, – не полуученый и никогда не будет неудачником. Он может быть очень мало сведущ в греческом и латинском языках или в теоретических науках, но он выучился рассчитывать только на самого себя и руководить собой. Он владеет той дисциплиной ума, той привычкой размышлять и рассуждать, каких никогда не давало одно чтение книг.

Самые опасные последователи социализма и иногда даже самые злые анархисты набираются именно в беспорядочной толпе полуученых, в особенности из окончивших курс лицеев, не нашедших себе дела бакалавров, сетующих на свою участь учителей, оставшихся без казенных мест, университетских профессоров, считающих свои научные заслуги непризнанными. Последний казенный в Париже анархист был кандидат на поступление в политехническую школу, не нашедший никакого приложения своим бесполезным поверхностным знаниям, и вследствие того ставший врагом общества, не сумевшего оценить его

<sup>23</sup> Тэн И. Происхождение современной Франции. Т. 5. Глава III (СПб, 1907).

достоинства, естественно жаждавший заменить это общество новым, среди которого выдающиеся способности, какие он признавал в себе, найдут свое применение. Недовольный полуученый – самый злостный из всех недовольных. Недовольство это и порождает частое проявление социализма среди некоторых кругов, например, среди народных учителей, поголовно считающих себя недостаточно оцененными.

Быть может, среди учителей начальных школ и особенно профессоров высших учебных заведений социализм наиболее всего находит приверженцев. Глава французских социалистов – бывший профессор. В газетах оттенили тот поражающий факт, что желание этого профессора-социалиста читать в Сорбонне курс о коллективизме было поддержано 16 профессорами против 37.

Роль, какую играет в настоящее время этот класс полуученых в латинских странах в отношении развития социализма, становится крайне опасной для общества, среди которого они живут.

Совершенно чуждые всякой действительности, они, вследствие этого, не способны понять искусственные, но необходимые условия для возможности существования общества. Общество, управляемое ареопагом профессоров, как мечтал о том Огюст Конт, не продержалось бы и шести месяцев. В вопросах, имеющих общий интерес, мнение специалистов в области литературы или науки отнюдь не более, а, весьма часто, гораздо менее ценно, чем мнение невежд, если этими последними являются крестьяне или рабочие, по своей профессии соприкасающиеся с действительностью жизни. Я уже настаивал на этом положении, которое представляет собой наиболее серьезный довод в пользу всеобщей подачи голосов. Очень часто со стороны толпы и редко со стороны специалистов проявляются политический ум, патриотизм и чувство необходимости защищать общественные интересы.

Толпа часто соединяет в себе дух своей расы и понимание ее интересов.<sup>24</sup> Она в высокой степени способна к самоотверженности, к жертвам, что, впрочем, не мешает ей быть иногда бесконечно ограниченной, хвастливой, свирепой и готовой всегда поддаться оболъщению самых пошлых шарлатанов. Толпой, без сомнения, управляет инстинкт, а не разум, но разве бессознательные поступки не бывают очень часто более высокими, чем сознательные?

Безотчетные машинальные действия нашей физической жизни и громадное большинство таких же действий нашей духовной жизни по отношению к действиям сознательным представляют собой такую же громаду, как водяная масса всего океана относительно волн на его поверхности. Если бы непрерывное течение этих бессознательных действий остановилось, человек не мог бы прожить и одного дня. Бессознательные элементы нашей психики представляют собой просто наследие всех приспособлений, созданных длинным рядом наших предков. В этом-то наследии и сказываются расовые чувства, инстинкт своих потребностей, которому полунаука очень часто дает ложное направление.

Неудачники, непонятые, адвокаты без практики, писатели без читателей, аптекари и доктора без пациентов, плохо оплачиваемые преподаватели, обладатели разных дипломов, не нашедшие занятий, служащие, признанные хозяевами негодными, и т. д. – суть естественные последователи социализма. В действительности они мало интересуются собственно доктринами. Все, о чем они мечтают, это создать путем насилия общество, в котором они были бы хозяевами. Их крики о равенстве и равноправии нисколько не мешают им с презрением относиться к черни, не получившей, как они, книжного образования. Они считают

---

<sup>24</sup> Мы имели поразительный пример этому в знаменитом деле, которое недавно произвело во Франции столь глубокий разлад. Тогда как значительная часть буржуазии жестоко напала на армию с бессознательностью человека, яростно подтачивающего фундамент своего жилища, народные массы инстинктивно приняли ту сторону, на которой были истинные интересы страны. Если бы эти массы также обратились против армии, то мы, может быть, претерпели бы междоусобную кровавую войну, необходимым следствием которой было бы вторжение неприятеля.

себя значительно выше рабочего, тогда как в действительности, при своем чрезмерном эгоизме и малой практичности, они стоят гораздо ниже рабочего. Если бы они сделались хозяевами положения, то их самовластие не уступило бы самовластию Марата, Сен-Жюста или Робеспьера – этих типичных образцов непонятых полуученых. Надежда сделаться тиранами в свою очередь, после долгой неизвестности, пережитых унижений, должна была создать изрядное число приверженцев социализму.

Чаще всего именно к этой категории полуученых и принадлежат доктринеры, сочиняющие в ядовитых произведениях печати теории, которые подхватываются и пропагандируются наивными последователями. Они как будто идут во главе своих солдат, а на самом деле только следуют за ними. Их влияние больше кажущееся, чем действительное: они, в сущности, только облачают в шумные, бранные фразы стремления, не ими созданные, и придают им такую догматическую форму, которая дает возможность главарям на них опираться. Их книги становятся иногда какими-то священными; их никто никогда не читает, но из них можно приводить, как доказательство, заглавия или обрывки фраз, воспроизводимых в специальных журналах. Неясность их сочинений составляет, впрочем, главное условие их успеха. Как Библия для протестантских пасторов, сочинения эти для тех, кто верит, представляются как бы прорицательными книгами, которые стоит только открыть наудачу, чтобы найти там решение любого вопроса.

Итак, доктринер может быть очень сведущ, но это ничуть не мешает ему оставаться крайне наивным и лишенным здравых понятий, и вместе с тем очень часто недовольным и завистливым. Заинтересованный только одной стороной вопросов, ум его остается чуждым ходу событий и их последствиям. Он не способен понять сложность социальных явлений, экономические законы, влияние наследственности и страстей, которые управляют людьми. Руководствуясь только книжной и элементарной логикой, он легко верит, что его мечтания могут изменить ход развития человечества и управлять его судьбой.

Больше всего он верит в то, что общество должно так или иначе измениться в его пользу. Что действительно его заботит – это не осуществление социалистических доктрин, а водворение во власти самих социалистов. Ни в какой религии не было так много веры в народных массах и так мало ее у большинства главарей.

Разглагольствования всех этих шумных доктринеров очень туманны; их идеал будущего общества очень химеричен; но что уже совсем не химерично – это их страшная ненависть к современному обществу и их горячее желание разрушить его. Но если революционеры всех времен были бессильны что-нибудь создать, им было не очень трудно разрушать. Ребенок может легко сжечь сокровища искусства, для накопления которых потребовались целые века. Таким образом, влияние доктринеров может вызвать революцию победоносную и разрушительную, но дальше этого оно не может идти. Неискоренимая потребность быть под чьим-либо управлением, которую всегда проявляла народная толпа, привела бы быстро всех этих новаторов под власть какого-либо деспота, которого, впрочем, они же первые стали бы восторженно приветствовать, как доказывает то наша история. Революции не могут изменить дух народа; вот почему они никогда ничего не порождали, кроме полных иронии изменений в словах и поверхностных преобразований. И, однако, из-за таких-то ничтожных перемен человечество столько раз было потрясено и, без сомнения, будет и впредь подвергаться тому же.

Чтобы резюмировать роль разных классов в разрушении общества у латинских народов, можно сказать, что доктринеры и недовольные, созданные школой, действуют, главным образом, расшатывая идеи, и служат, вследствие порождаемой ими умственной анархии, самыми ядовитыми агентами разрушения; что буржуазия помогает своим равнодушием, страхом, эгоизмом, слабостью воли, отсутствием политического смысла и инициативы, и

что народные слои будут действовать революционным образом, довершая разрушение здания, уже шатающегося на своем основании, как только оно будет достаточно потрясено.

## КНИГА ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ КАК ВЕРОВАНИЕ

### ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОСНОВЫ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ

§ 1. *Унаследование наших верований от предков.* Чтобы понять социализм, надо исследовать, как образуются наши верования. Понятия унаследованные, или понятия, основанные на чувстве. Понятия приобретенные или внушенные образованием. Влияние этих двух категорий понятий. Каким образом понятия, кажущиеся новыми, всегда происходят от понятий предшествующих. Медленность, с какою изменяются верования. Польза общепризнанных верований. Установление таких верований означает высшую степень цивилизации. Великие цивилизации представляют расцвет лишь небольшого числа верований. Никакая цивилизация не могла держаться, не имея в своем основании общепринятых верований.

§ 2. *Влияние верований на наши представления и суждения. Психология непонимания.* Каким образом наше познание мира искажается унаследованными верованиями. Они влияют не только на наше поведение, но и на смысл, придаваемый нами словам. Отдельные личности разных рас и классов в действительности говорят на весьма различных языках. Взаимное непонимание разъединяет их столь же, сколь и противоположность их интересов. В чем именно убедительность никогда не исходила от разума. Преобладающее влияние мертвых при спорах живых между собой. Последствия взаимного непонимания. Невозможность колонизации со стороны народов, у которых это непонимание слишком велико. Почему исторические сочинения очень мало отражают действительность.

§ 3. *Наследственное образование нравственных понятий.* Истинные мотивы, руководящие нашими действиями, в большинстве случаев подчиняются наследственным инстинктам. Нравственность существует действительно только тогда, когда она перешла в область бессознательного и наследственного. Малоценность современного школьного обучения нравственности.

#### § 1. УНАСЛЕДОВАНИЕ НАШИХ ВЕРОВАНИЙ ОТ ПРЕДКОВ.

Все цивилизации, следовавшие в течение веков одна за другой, основывались на небольшом числе верований, игравших всегда в жизни народов основную роль.

Как нарождаются и развиваются эти верования? Мы уже изложили в общих чертах этот вопрос в «Lois psychologiques de l'Evolution des peuples» («Психологические законы эволюции народов»). Небесполезно будет вернуться к этому вопросу. Социализм представляет собой в большей степени верование, чем доктрину. Только глубоко проникнувшись самим механизмом происхождения верований, возможно предвидеть, какую роль предстоит сыграть социализму.

Человек не может изменять по своему желанию чувства и верования, которые им руководят. За суетными волнениями отдельных личностей находятся всегда влияния законов наследственности. Эти влияния придают толпе тот узкий консерватизм, который лишь временно пропадает в минуту возмущений. Что труднее всего переносится человеком и чего он даже никогда не переносит в течение очень продолжительного времени, это изменение унаследованных им привычек и образа мыслей.

Именно эти влияния предков оберегают еще и теперь значительно одряхлевшие цивилизации, обладателями которых мы являемся и которым в настоящее время со многих сторон грозит разрушение.

Эта медленность развития верований есть один из самых существенных фактов истории и, тем не менее, факт, менее всего выясненный историками. Мы попробуем определить его причины.

Помимо внешних и изменчивых условий, которым подчиняется человек, он более всего руководится в жизни двумя категориями представлений: *представлениями врожденными, т. е. преемственно унаследованными или возникшими под влиянием чувств, и представлениями приобретенными или умственными.*

Врожденные представления составляют наследство расы, завещанное отдаленными или ближайшими предками, наследство, воспринимаемое человеком бессознательно при самом рождении его и направляющее его поведение.

*Приобретенные или умственные представления* суть те, которые человек приобретает под влиянием среды и воспитания. Они направляют рассуждение, разъяснение, толкование и очень редко – поведение. Их влияние на действия остается совершенно ничтожным до тех пор, пока представления, наследственно повторяясь в поколениях, не перейдут в область бессознательного и не сделаются чувствами. Если и удастся иногда приобретенным представлениям восторжествовать над врожденными, то это бывает только тогда, когда последние были уничтожены врожденными же представлениями противоположного свойства, как это случается, например, при скрещивании представителей различных рас. Человек превращается тогда как бы в *tabula rasa*.<sup>25</sup> Он потерял свои врожденные представления; он стал не более как помесь, не имеющая ни нравственности, ни характера, легко поддающаяся под всякие влияния.

В силу этой-то огромной тяжести многовековой наследственности, среди такого множества нарождающихся ежедневно верований, лишь столь немногие из них делались с течением веков преобладающими и всеобщими. Можно даже сказать, что в среде уже очень старого человечества никакое новое общее верование не могло бы образоваться, если бы оно не было тесно связано с предшествующими верованиями. Совершенно новых верований народы почти никогда не знали. Религии, например, буддизм, христианство, магометанство, кажутся оригинальными, если рассматриваются только в позднейшей фазе своего развития; в действительности же они представляют собой лишь простой расцвет предшествовавших верований. Они могли развиваться только тогда, когда уступившие им место верования за давностью своей выдохлись и потеряли обаяние. Они видоизменяются в зависимости от принявших их рас, и общего у них только и имеется, что буква учения. Мы показали в одном из предыдущих наших трудов, что религии, переходя от народа к народу, претерпевают глубокие изменения, чтобы установить связь с предшествовавшими религиями этих народов. Новое верование становится, таким образом, простым обновлением старого. Не только одни еврейские элементы находятся в христианской религии; она имеет свой источник в наиболее отдаленных религиях европейских и азиатских народов. Тонкая струя воды, вытекающая из Галилеи, не обратилась бы в стремительный поток, если бы древнее язычество не влилось в нее широкой волной. Луи Менар справедливо говорит: «Вклад евреев в христианскую мифологию едва равняется со вкладом египтян и персов».

Самые простые и ничтожные изменения в верованиях требуют, однако, целого ряда лет, чтобы укорениться в народной душе. Верование – совсем не то, что какое-либо мнение, являющееся предметом обсуждения. Верование влияет на поведение и поступки людей, и, следовательно, обладает действительной силой, лишь когда оно перешло в область бессознательного, чтобы там образовать прочный осадок, называемый чувством. Тогда оно обладает существенным характером повелительности и недоступно влиянию анализа и критики. Только в начале своего появления, когда верование еще не установилось, оно может коре-

<sup>25</sup> Чистая доска (лат.) – т. е. доска, на которой можно писать, что угодно.

ниться до некоторой степени в разуме; но для обеспечения его торжества, повторяю, оно должно перейти в область чувств, и, следовательно, из области сознательного перейти в область бессознательного.

Нет надобности восходить к героическим временам, чтобы понять, что представляет собой верование, сделавшееся неоспоримым. Стоит только бросить взор вокруг себя, чтобы увидеть целую толпу людей, к которым глубоко привиты на мистической наследственной почве известные верования, выросшие на этой мистической почве, которые невозможно поколебать никакими доводами. Все мелкие религиозные секты, зародившиеся в последние 25 лет, как и возникшие в конце языческого периода, – спиритизм, теософизм, эзотеризм и т. д. – имеют многочисленных последователей с таким настроением мыслей, что верование их не может быть разрушено никакими доказательствами. Знаменитый процесс о спиритических фотографиях вполне убеждает в верности такого заключения. Фотограф Б. признался на суде, что все фотографии призраков, вручаемые его легковверным клиентам, были снимками с приготовленных для этого манекенов. Доказательство, казалось бы, не допускало возражения. Однако оно несколько не поколебало веру приверженцев спиритизма. Несмотря на признание шутника-фотографа и предъявление тех же самых манекенов-моделей, клиенты-спириты энергично продолжали настаивать на том, что они отчетливо признали на фотографиях черты своих покойных родственников. Это чудесное упорство веры очень поучительно и дает отличное понятие о силе верования.

Нужно настаивать на этом влиянии прошлого при выработке верований и на том факте, что новое верование не может утвердиться иначе, как всегда входя в связь с предшествующим. Это водворение верований представляет собой, быть может, важнейшую фазу в последовательном развитии цивилизаций. Одно из величайших благодеяний установившегося верования состоит в том, что оно воодушевляет народ общими чувствами, дает ему общие формы мышления и, следовательно, общие слова, вызывающие одинаковые представления. Укоренившееся верование в конце концов создает сходство между настроениями умов, аналогичность между последовательными суждениями, оно кладет свой отпечаток на все элементы цивилизации. Общее верование составляет самый могущественный фактор для образования национального духа, национальной воли и, следовательно, единства в направлении чувств и идей народа. Великие цивилизации всегда представляли собой логическое развитие небольшого числа верований, и упадок этих цивилизаций наступал всегда в тот момент, когда в общих верованиях происходил раскол.

Коллективное верование имеет ту огромную выгоду, что оно соединяет все индивидуальные маленькие желания в одно целое, заставляет народ действовать, как действовал бы один человек. По справедливости можно сказать, что великие исторические эпохи – это именно те, когда устанавливалось какое-либо общее верование.

Роль общих верований в жизни народов так громадна, что важность ее не может быть преувеличена. История не дает примеров цивилизаций, возникших и долго существовавших, не имея в основании верований. общих всем отдельным личностям целого народа или, по крайней мере, целого города. Эта общность верований придает народу, владеющему ими, грозную мощь даже и тогда, когда верования эти имеют временный характер. Мы это видели во времена революции, когда французский народ, воодушевленный новой верой (которая не могла долго держаться из-за неосуществленности своих обещаний), победоносно боролся против вооруженной Европы.

## § 2. ВЛИЯНИЕ ВЕРОВАНИЙ НА НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ. ПСИХОЛОГИЯ НЕПОНИМАНИЯ.

Как только верование упрочилось в душе, оно становится регулятором жизни человека, пробным камнем суждений, руководителем разума. Ум тогда может воспринимать только

то, что согласуется с новым верованием. Как христианство в средние века, ислам у арабов, господствующая вера кладет свой отпечаток на все элементы цивилизации, в особенности на философию, литературу и искусство. Она – высший критерий, она дает объяснение всему.

Способ приобретения наших познаний, одинаковый для ученых и неученых, состоит в сущности в том, что неизвестное мы стараемся привести к тому, что нам уже известно или что мы считаем известным. Понять явление – это значит наблюдать его и связать с тем небольшим запасом идей, который у нас имеется. Таким образом связывают непонятые явления с явлениями, которые считаются понятными. Каждый ум устанавливает эту связь соответственно со своими господствующими безотчетными представлениями. Прием этот одинаков для всех умов, от низшего до высшего, и состоит неизменно в том, что новое явление вводится в круг уже воспринятых понятий.

И вследствие того, что наши представления о мире связываются с понятиями, унаследованными нами от предков, люди разных рас имеют различные суждения об одних и тех же предметах. Мы воспринимаем вещи не иначе, как видоизменяя их соответственно нашим верованиям.

Верования, обратившиеся в чувства, влияют не только на наши поступки, но и на смысл, какой мы придаем различным словам. Раздоры и борьба между людьми в большинстве случаев происходят от того, что одни и те же явления порождают в умах разного склада крайне различные идеи. Проследите из века в век, от одной расы к другой и от одного пола к другому представления, вызываемые одними и теми же словами. Посмотрите, например, чем являются для умов различного происхождения такие термины, как «религия», «свобода», «республика», «буржуазия», «собственность», «капитал», «труд» и т. д., и вы увидите, какая пропасть лежит между умственными представлениями, выраженными одним и тем же словом.<sup>26</sup> Кажется, что разные классы общества, люди разных полов говорят на одном языке, но это только обманчивая внешность.

Разъединение разных слоев общества и еще более – разных народов происходит столько же от различия их понятий, сколько и от различия их интересов; и вот почему борьба между классами и между расами, а не призрачное их согласие составляло всегда в истории преобладающий факт. В будущем несогласие может только возрасти. Вместо того, чтобы стремиться к уравниванию людей, цивилизация стремится сделать различие между ними все более и более ощутимым. Различие в умственном развитии между могущественным феодальным бароном и последним его воином было бесконечно меньше, чем ныне между инженером и подвластным ему чернорабочим.

Между разными расами, между разными классами, между разными полами согласие возможно только относительно технических вопросов, не касающихся области бессознательных чувств. В морали, религии, политике, напротив, согласие не возможно или возможно только тогда, когда люди одного и того же происхождения. При этом не доводами сторон достигается согласие, а одинаковостью склада их понятий. Не в уме находит свое основание убедительность. Когда люди собираются для обсуждения политических, религиозных или нравственных вопросов, это рассуждают уже не живые, а мертвые. Это душа их предков говорит их устами, и их речи тогда – лишь эхо того вечного голоса мертвых, которому всегда внимают живые.

Итак, слова по своему смыслу весьма различаются у разных людей и пробуждают у них идеи и чувства крайне различные. Для проникновения в умы иного склада, чем наш, нужно самое напряженное усилие мысли. С большим трудом это достигается в отношении

---

<sup>26</sup> Преломление идей, т. е. видоизменение понятий в зависимости от пола, возраста, расы, образования – недостаточно исследованный вопрос психологии. Я слегка коснулся его в одном из последних моих трудов, показав, как изменяются учреждения, религии, языки и искусства с переходом от одного народа к другому.

наших соотечественников, отличающихся от нас лишь возрастом, полом или воспитанием; каким же образом проникнуть в мысли людей чуждых рас, да еще тогда, когда нас отделяют от них целые века? Чтобы быть понятым кем-либо, надо говорить на языке слушателя со всеми свойственными его понятиям оттенками. Можно, как это и бывает в действительности между родителями и их детьми, прожить 6 течение многих лет рядом с человеком и никогда не понимать его. Вся наша обиходная психология, основанная на том предположении, что люди под влиянием одинаковых возбуждений испытывают и одинаковые чувства, как нельзя более ошибочна.

Мы никогда не можем видеть вещи такими, каковы они в действительности, потому что мы воспринимаем лишь состояния нашего сознания, создаваемые нашими же чувствами. Еще менее мы можем рассчитывать на то, что невольные искажения в представлениях будут одинаковы у всех людей, так как эти искажения подчиняются врожденным и приобретенным понятиям людей, и, следовательно, различаются между собой сообразно расе, полу, среде и т. п., и поэтому-то можно сказать, что всего чаще общее взаимное непонимание управляет отношениями между людьми разных рас, разных полов, принадлежащими к разным общественным слоям. Они могут пользоваться одинаковыми словами, но никогда не будут говорить одним и тем же языком.

Вещи представляются нам всегда не такими, каковы они в действительности, чего мы и не подозреваем. Мы даже вообще убеждены, что этого и быть не может; оттого-то для нас почти и невозможно допустить, что другие люди могут мыслить и действовать совершенно не так, как мы. Это непонимание мнений в конце концов обращается в полную нетерпимость, особенно в области верований и воззрений, основанных исключительно на чувствах.

Все люди, придерживающиеся в религии, морали, искусствах, и политике мнений, отличных от наших, тотчас являются в наших глазах людьми недобросовестными или, по меньшей мере, опасными глупцами. Поэтому если мы располагаем какой-нибудь властью, мы считаем своим неременным долгом, энергично преследовать столь зловредных чудовищ. Если мы их более не сжигаем и не гильотинируем, так это потому, что упадок нравов и прискорбная мягкость законов препятствуют этому.

Относительно людей, принадлежащих к расам, значительно отличающимся от нашей, мы допускаем еще, по крайней мере в теории и не без сожаления, плачевное ослепление этих людей, то, что они могут мыслить не вполне так, как мы. Мы считаем, впрочем, если случайно становимся повелителями этих людей, что для их благополучия они должны быть подчинены нашим правам и законам самыми энергичными мерами. Арабы, негры, аннамиты, мальгаши и т. д., которым мы хотим навязать наши нравы, законы и обычаи, ассимилировать их, как говорят в политике, узнали по опыту во что обходится желание мыслить иначе, чем их победители. Они, разумеется, продолжают, сохраняя свои врожденные понятия, которых они не в силах изменить, но они научились скрывать свои мысли и, вместе с тем, приобрели непримиримую ненависть к своим новым повелителям.

Полное взаимное непонимание между народами разных рас, не всегда порождает между ними неприязнь. Оно может даже сделаться косвенным источником симпатий между ними, так как ничто в этом случае им не мешает создавать в своем воображении желаемое представление друг о друге. Справедливо было замечено, что «одним из самых надежных оснований, на котором покоится франко-русский союз, было почти полное незнание друг друга со стороны обоих народов».

Взаимное непонимание бывает разных степеней у разных народов. Оно достигает высшей степени у народов, которые мало путешествуют вне своей страны, например, народы латинской расы; у них поэтому нетерпимость безгранична. Наша неспособность понимать идеи других цивилизованных или нецивилизованных народов поразительна. Она, заметим кстати, и есть главная причина плачевного состояния наших колоний. Наиболее выдающи-

еся представители латинской расы и даже такие гениальные, как Наполеон, не отличаются в этом отношении от обыкновенных людей. Наполеон никогда не имел даже смутного понятия о психологии испанца или англичанина. Его суждения о них не шли далее того мнения, какое можно было недавно прочесть в одном из наших больших политических журналов по поводу отношений Англии к дикарям Африки: «Англия всегда вмешивается в дела дикарей, чтобы препятствовать им освободиться от их царей и перейти к республиканскому образу правления», – уверял с негодованием простодушный автор. Трудно выказать большее непонимание и большую наивность.

Впрочем, и сочинения наших историков кишат подобного рода суждениями. И вот отчасти почему я пришел к заключению, что исторические описания – не более как настоящие романы, совершенно чуждые всякой действительности.<sup>27</sup> То, с чем они нас знакомят, никогда не было душой исторических лиц, а являет единственно душу самих историков.

Вследствие того, что расовые понятия не подходят под общую мерку, и что однородные слова возбуждают весьма неодинаковые понятия в умах, различающихся между собой, я пришел еще и к другому, на вид парадоксальному, заключению, что написанные сочинения совершенно непереводимы с одного языка на другой. Это справедливо даже для языков современных и еще в несравненно большей степени – для языков, передающих нам понятия народов умерших.

Такие переводы тем более невозможны, что действительный смысл слов, т. е. чувства и представления, вызываемые ими, меняются из века в век. Не имея возможности изменять сами слова, которые видоизменяются значительно медленнее, чем идеи, мы бессознательно меняем смысл слов. Так именно религиозный и моральный кодекс англосаксов – Библия, написанная 3000 лет тому назад для племен периода варварства, могла приспособиться к последовательным и изменчивым потребностям высоко цивилизованного народа. При помощи собственных измышлений всякий подводит под древние слова свои современные понятия. Истолковывая таким образом Библию, можно, как это и делают англичане, открыть ее на удачу и найти там решение любого политического или морального вопроса.

Повторяю, что только между людьми одной и той же расы, находящимися в течение продолжительного времени в одинаковых условиях существования и обстановки, может иметь место некоторое взаимное понимание. Благодаря наследственным формам их мыслей, слова, которыми они обмениваются в устной или письменной речи, могут тогда возбуждать в них приблизительно одинаковые понятия.

### § 3. НАСЛЕДСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ.

Роль известных нравственных качеств в судьбе народов имеет решающее значение. Нам скоро придется это показать при изучении сравнительной психологии разных рас. Теперь же мы хотим только указать, что нравственные качества, подобно верованиям, переходят по наследству и, следовательно, составляют часть прародительской души народа. На этой-то унаследованной от предков почве и возникают возбудители наших действий, а наша сознательная деятельность служит нам только для наблюдения их результатов. Общее руководство нашими поступками обыкновенно принадлежит унаследованным нами чувствам и очень редко – разуму.

Эти чувства приобретаются очень медленно. Нравственные качества обладают некоторой прочностью лишь тогда, когда они, сделавшись нашим наследственным достоянием, перешли в область бессознательного и, следовательно, ускользают от влияний, всегда эгои-

---

<sup>27</sup> Макс Мюллер упрекает меня за это мнение. В одной из статей в «Revue historique» Л. Лихтенбергера, о недостаточном критическом взгляде которого я уже говорил, тоже заявляет своим читателям, что мое мнение его «ошеломило». Это мнение, тем не менее, я высказывал уже давно в моих исторических сочинениях, указывая, что только в творениях искусства или литературных памятниках могут читаться мысли умерших народов.

стичных и чаще всего противных разумным интересам расы. Нравственные начала, внушаемые при воспитании, поистине имеют очень слабое влияние; я даже сказал бы, что влияние это равно нулю, если бы не приходилось принимать в расчет те безразличные натуры, которых Рибо<sup>28</sup> справедливо называет бесформенными, безличными (*amorphes*); натуры эти находятся на той неопределенной границе, где малейший повод может с одинаковой легкостью отклонить их в сторону добра или зла. Для этих-то безразличных существ особенно полезны законы и полиция. Они не сделают ничего такого, что последними запрещается, но до более высоких нравственных начал они не поднимутся. Разумное воспитание, т. е. пренебрегающее совершенно философскими разглагольствованиями и рассуждениями, может им доказать, что хорошо понятый интерес состоит в том, чтобы не слишком близко держаться сферы действий полиции.

Пока наш разум не вмешивается в наши действия, наша мораль остается инстинктивной, и наши побуждения не отличаются от побуждений самой бессознательной толпы. Эти побуждения безотчетны в том смысле, что они инстинктивны, а не подсказаны разумом. Но они и не лишены целесообразности в том смысле, что являются следствием медленных приспособлений, созданных целым рядом предшествующих потребностей. В душе народной эти инстинктивные возбудители проявляются во всей своей силе, и потому инстинкт толпы отличается всегда глубоким консерватизмом и способностью защищать общие интересы расы, пока теоретики и ораторы его не затемняют.

---

<sup>28</sup> Теодул-Арманд Рибо – профессор философии, возглавлявший курсы экспериментальной психологии в Сорбонне в 1885 г., член Академии моральных и политических наук.

## ГЛАВА ВТОРАЯ. РОЛЬ ПРЕДАНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ПРЕДЕЛЫ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ

§ 1. *Влияние преданий в жизни народов.* Трудность освободиться от ига предания. Настоящие свободные мыслители встречаются редко. Трудность установления самых очевидных истин. Происхождение наших повседневных мнений. Слабое влияние преданий на учреждения, верования и искусства. Бессилие художников освободиться от влияний прошлого.

§ 2. *Пределы изменяемости унаследованных душевных качеств.* Разные элементы, составляющие душевный организм, унаследованный от предков. Разнородные элементы этого организма. Каким образом они могут возникать.

§ 3. *Борьба между традиционными верованиями и запросами современной жизни. Современная неустойчивость мнений.* Каким образом народы могут сбросить иго предания. Невозможность освободиться от него сразу. Склонность латинских народов совершенно отвергать влияние прошлого и перестраивать заново свои учреждения и законы. Борьба между их традициями и современными запросами. Прочные верования заменились переходными и мимолетными. Неустойчивость, насильственность и сила общественного мнения. Разные примеры. Общественное мнение подсказывает судьям приговоры, а правительствам – войны и союзы. Влияние печати и скрытое могущество финансистов. Необходимость общепризнанного верования. Социализм бессилён выполнишь эту роль.

### § 1. ВЛИЯНИЕ ПРЕДАНИЙ В ЖИЗНИ НАРОДОВ.

Мы сейчас видели, что человек главным образом действует под влиянием своих врожденных качеств и особенно повинуется преданиям.

Эту зависимость от преданий, которая нами руководит, мы можем проклинать, но как ничтожно в каждую эпоху число людей, художников, мыслителей или философов, способных выйти из этой зависимости! Очень немногим удается хотя бы в некоторой мере освободиться от влияния прошлого. Миллионы людей считают себя свободными мыслителями, но в действительности таковыми можно признать лишь несколько дюжин в целую эпоху. Самые очевидные научные истины и те иногда устанавливаются с величайшим трудом, и не столько вследствие доказательства, сколько благодаря престижу лица, защищающего их. Врачи не признавали в течение целого века явлений магнетизма, которые они могли, однако, наблюдать повсюду, до той поры, пока один, ученый, обладавший достаточным престижем, не подтвердил, что эти явления происходят в действительности.<sup>29</sup>

Нет такого заблуждения, которое не могло бы быть навязано, благодаря престижу. Лет тридцать тому назад академия наук, в которой должно бы быть всего больше критического ума, опубликовала как подлинные несколько сотен подложных писем Ньютона, Паскаля, Галилея, Кассини и др., сфабрикованных очень мало образованным обманщиком. Они были переполнены грубыми ошибками, но престиж предполагаемых авторов и знаменитого ученого, который их представил, сделал так, что эти документы были признаны. Большая часть академиков вместе с постоянным секретарем ничуть не сомневались в подлинности этих документов до тех пор, пока сам поддельватель не сознался в сделанном подлоге. По исчез-

<sup>29</sup> Имеется в виду австрийский врач Фридрих Антон Месмер (1734–1815), получивший сенсационную известность своими опытами лечения болезней при помощи «животного магнетизма», основанного на гипнотическом внушении.

новении престижа стиль писем был признан из рук вон плохим, хотя прежде его признавали превосходными вполне достойным предполагаемых авторов.

На обиходном языке «свободным мыслителем» называют чуть не всякого антиклерикала. Какой-нибудь провинциальный аптекарь уже считает себя свободным мыслителем, если не ходит в церковь, преследует своего священника, высмеивая его догмы; в сущности же этот аптекарь так же мало свободомыслящий, как и этот священник. Они оба принадлежат к одной и той же психологической семье и оба одинаково руководствуются понятиями своих предков.

Надо было бы изучить в подробностях повседневные мнения и суждения, которые мы произносим по поводу всяких вопросов, чтобы убедиться в какой мере справедливо все вышеизложенное. Эти мнения, которые мы считаем столь свободными, внушены нам окружающей нас средой, книгами, журналами и, в зависимости от унаследованных нами чувств, принимаются или отвергаются нами во всей своей совокупности чаще всего без какого-либо участия в том нашего разума. На разум ссылаются часто, но, поистине, он играет такую же ничтожную роль в образовании наших суждений, как и в наших действиях. Главнейшие источники наших идей в отношении наших основных понятий надо искать в наследственности, а в отношении понятий второстепенных – во внушении. Потому люди разных общественных классов, но одной и той же профессии столь похожи между собой. Живя в одной и той же обстановке, повторяя непрерывно одни и те же слова, одни и те же фразы, одни и те же идеи, они кончают тем, что приобретают понятия столько же избитые, сколь и одинаковые между собой.

Идет ли речь об учреждениях, верованиях, искусствах или любой стороне цивилизации, мы всегда находимся под давлением среды и в особенности – прошлого. Если мы вообще этого не замечаем, то это происходит от той легкости, с какою мы способны старые вещи называть новыми именами, полагая, что этим мы изменяем и сами вещи.

Чтобы выяснить значение влияний наследственности, врожденности, надо рассмотреть совершенно определенные элементы цивилизации, например, искусства. Значение прошлого тогда выступит с полной ясностью, так же как и борьба между преданиями и современными идеями. Когда художник воображает, что избавился от гнета прошлого, то он делает не что иное, как обращается к формам еще более старинным, либо искажает самые необходимые элементы своего искусства заменой, например, одной краски другою – розовой, принятой для изображения лица, зеленой, либо воплощает все те фантазии, которые можно видеть на ежегодных, выставках. Но этими самыми бреднями художник только подтверждает свое, бессилие освободиться от влияния преданий и вековых обычаев. Вдохновение, кажущееся ему свободным, всегда, есть раб всего прошлого. Вне форм, установившихся веками, он ничего придумать не может. Развитие его творчества может происходить лишь очень медленно.

## § 2. ПРЕДЕЛ ИЗМЕНЯЕМОСТИ УНАСЛЕДОВАННЫХ ДУШЕВНЫХ КАЧЕСТВ.

Таково, влияние прошлого, и надо всегда иметь его в виду, если хотим понять развитие всех сторон цивилизации, как образуются наши учреждения, верования и искусства, и какое громадное участие в их созидании принимают унаследованные нами воззрения наших предков. Современный человек самым усердным образом и совершенно бесполезно старался сбросить с себя ярмо прошлого. Наша великая революция считала себя в силе даже совершенно уничтожить всякие влияния прошлого. Как тщетны подобные попытки! Можно покорять народ, поработить его, даже уничтожить. Но где та сила, которая могла бы изменить душу народа?

Ведь эта наследственная народная душа, от влияния которой столь трудно избавиться, формировалась веками. В нее было вложено много разнообразных элементов и под влиянием

тех или других возбудителей эти элементы могут проявляться. Внезапное изменение обстановки и среды может пробудить дремавшие в нас зародыши. Этим и объясняются те возможные проявления характера, о которых я говорил в другом моем труде и которые обнаруживаются при известных обстоятельствах. Таким-то именно образом в мирной душе какого-нибудь начальника бюро, судьи, лавочника скрывается иногда Робеспьер, Марат, Фукье-Тенвиль. Достаточно некоторых возбудительных причин, чтобы эти скрытые личности проявились, и тогда можно видеть, как мирные чиновники приказывают расстреливать заложников, как художники приказывают разрушать монументы; придя же в себя, эти люди сами недоумевают, как они могли сделаться жертвами таких заблуждений. Буржуа, заседавшие в конвенте, возвратясь после революционной бури к своим мирным занятиям, нотариусы, сборщики податей, профессора, судьи, адвокаты и т. д. не раз в изумлении задавали себе вопрос: каким образом они могли проявить столь кровожадные инстинкты и умертвить столько народу? Взбалтывание осадка, заложенного предками в глубине нашей души, не проходит безнаказанно. Неизвестно, что может из этого выйти: Душа героя или разбойника.

### § 3. БОРЬБА МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМИ ВЕРОВАНИЯМИ И ЗАПРОСАМИ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. СОВРЕМЕННАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МНЕНИЙ.

Только благодаря нескольким оригинальным самостоятельным умам, какие появляются во все эпохи, каждая цивилизация мало-помалу освобождается из под гнета традиций. Но так как такие умы редки, то и освобождение это совершается очень медленно.

Прежде всего стойкость, а затем изменчивость составляют главные условия возникновения и развития обществ. Цивилизация устанавливается лишь тогда, когда ею создана известная традиция, и развивается не иначе, как при том условии, что ей удастся понемногу изменять эту традицию в каждом поколении. Если традиция не изменяется, то не будет и прогресса, примером чему служит Китай со своей застывшей цивилизацией. Если хотят слишком быстро изменить эту традицию, то цивилизация теряет всякую устойчивость, разлетается в прах и вскоре исчезает. Сила англосаксов и заключается, главным образом, в том, что, подчиняясь влиянию прошлого, они умеют отделяться от него, не переходя известных границ. Напротив, слабость латинской расы зависит от того, что она старается совершенно отделаться от влияния прошлого и постоянно стремится переделывать заново все свои учреждения, верования и законы. Исключительно по этой причине латинские народы в течение целого века переживают революции и непрерывные потрясения, из которых не предвидится скорого исхода.

Великая опасность настоящего времени состоит в том, что мы почти не имеем больше общих верований. Общие, одинаковые для всех интересы все в большей и большей мере заменяются частными, разнообразными интересами. Наши учреждения, законы, искусства, наше воспитание были построены на известных верованиях, которые с каждым днем все более и более распадаются и которых не могут заменить ни наука, ни философия, никогда, впрочем, и не претендовавшие на такую роль.

Несомненно, что мы не вышли из-под влияния нашего прошлого, так как человек и не может избавиться от него, но мы перестали верить в те принципы, на которых создан весь наш общественный строй. Существует постоянное противоречие между наследственно укоренившимися в нас чувствами и современными идеями. В морали, в религии, в политике нет уже признанных авторитетов, как то было прежде, и никто не может более надеяться установить определенное направление в области этих важнейших сторон общественного быта. Поэтому правительства вместо того чтобы руководить общественным мнением, принуждены считаться с ним и подчиняться непрерывным его колебаниям.

Современный человек, особенно принадлежащий к латинской расе, связан бессознательно с прошлым, тогда как его разум непрерывно ищет выхода из этой зависимости. Пока

не установится какое-либо определенное верование, он имеет только такие верования, которые преходящи и кратковременны вследствие того, что они не наследственны. Верования эти возникают самобытно под влиянием событий каждого дня, как набегают волны, поднятые бурей. Они приобретают иногда значительную силу, но сила эта мимолетна. Эти верования нарождаются под влиянием тех или других обстоятельств; подражательность и мода их распространяют. При современной нервности некоторых народов самая незначительная причина вызывает чрезмерные проявления чувств: взрывы ненависти, ярости, негодования, энтузиазма разражаются по ничтожному случаю, как громовые удары. Несколько солдат захвачено китайцами в Лангсоне, и происходит взрыв ярости, который в несколько часов опрокидывает правительство. Деревушка где-нибудь в углу Европы затоплена наводнением, и вдруг разражается взрыв национального умиления: подписки, благотворительные праздники и т. п.; собранные суммы отсылаются вдалеку, тогда как они были бы столь необходимы для облегчения наших собственных бедствий. Общественное мнение знает крайние чувства или глубокое равнодушие. Оно страшно женственно и, как женщина, отличается полной неспособностью владеть своими рефлекторными движениями. Оно беспрерывно колеблется по воле всех веяний внешних обстоятельств.

Эта крайняя подвижность чувств, не направляемых более никаким основным верованием, делает их очень опасными. За отсутствием исчезнувшей власти общественное мнение с каждым днем все более и более становится хозяином положения. И так как к его услугам имеется всемогущая печать, чтобы его возбудить или за ним следовать, то роль правительства делается с каждым днем все более трудной, и политика государственных людей становится все более нерешительной и колеблющейся. В душе народной можно найти многое, что может быть использовано, но никогда в ней не найти ума Ришелье или даже ясных взглядов скромного дипломата, обладающего некоторой последовательностью идей и действий.

Такое громадное и такое колеблющееся могущество общественного мнения распространяется не только на политику, но и на все элементы цивилизации.

Оно диктует художникам их произведения, судьям – их приговоры, правительствам – их образ действий.

Одним из любопытнейших примеров вторжения общественного мнения в дело суда, где некогда заседали люди более стойкого характера, служит недавнее очень поучительное дело доктора Лапорта. Это останется примером, заслуживающим упоминания во всех трактатах по психологии. Призванный ночью к тяжелобольной, почти умирающей роженице и не имея под рукой необходимого специального инструмента, он воспользовался взятым у соседа-рабочего подходящим инструментом, отличающимся от специального лишь несущественными подробностями. Но так как этот случайный инструмент не принадлежал к набору хирургических инструментов, представляющихся чем-то: таинственным и потому имеющим свой престиж, соседки-кумушки тотчас же разнесли по всему околотку, что доктор этот Невежда и палач. Вопли их собирают соседей, молва растет, газеты подхватывают, общественное мнение возмущается. Находится судья, чтобы засадить несчастного врача в тюрьму, потом суд, чтобы присудить его к новому содержанию в тюрьме после долгого предварительного заключения. Но в это время известные специалисты взяли дело в свои руки и совершенно перевернули общественное мнение, и в несколько недель палач обратился в мученика. Дело было пересмотрено, и суд, продолжая покорно следовать за поворотом общественного мнения, оправдал на этот раз обвиняемого.

Опасно в этом влиянии течений общественного мнения то, что они действуют бессознательно, на наши идеи и изменяют их, а мы этого и не подозреваем. Судьи, которые осуждают или оправдывают под влиянием этого мнения, повинуются ему, чаще всего сами этого не сознавая. Их бессознательный инстинкт претерпевает превращение для того, чтобы сле-

довать за общественным мнением, а разум служит только для того, чтобы найти оправдание тем переменам, которые безотчетно происходят в уме.

Эти характерные для настоящего времени народные движения лишают правительства, как я сказал выше, всякой устойчивости в их действиях. Общественное мнение устанавливает союзы, например, франко-русский,<sup>30</sup> возникший под влиянием взрыва народного энтузиазма, объявляет войны, например, испано-американскую,<sup>31</sup> происшедшую вследствие движения общественного мнения, созданного газетами, состоящими на содержании нескольких финансистов.

Американский писатель Годкин в недавно вышедшей любопытной книге *Unforeseen Tendencies of Democracy*) («Непредвиденные тенденции демократии») указал на гибельную для направления общественного мнения роль американских газет, большая часть которых состоит на содержании спекулянтов. «Всякая предстоящая война, – говорит он, – всегда будет приятна газетам по той простой причине, что новости с театра войны, победы или поражения в огромных размерах увеличивают их сбыт». Книга была написана до войны из-за Кубы,<sup>32</sup> и события показали, насколько было верно предвидение автора. Газеты руководят общественным мнением в Соединенных Штатах, но сами состоят под управлением нескольких финансистов, направляющих журналистику из своих контор. Могущество их гибельнее могущества самых злейших тиранов, потому что, во-первых, оно безымянно, и во-вторых, потому что они руководствуются только личными интересами, чуждыми интересам страны. Как я уже упоминал выше, одна из важных задач будущего состоит в отыскании средства избавиться от всесильного и развращающего влияния банкиров-космополитов, которые во многих странах все более и более стремятся стать косвенно хозяевами общественного мнения, а следовательно, и правительств. Американская газета «*Evening Post*» недавно указывала, что тогда как все другие влияния в народных движениях слабы или бессильны, могущество мелкой прессы возросло сверх меры, могущество тем более грозное, что оно ничем не ограничено, безответственно, бесконтрольно и находится в руках первого встречного. Две наиболее влиятельные популярные газеты в Соединенных Штатах, те, которые принудили правительство объявить Испании войну, редактировались – одна бывшим извозчиком, другая – совершенно молодым человеком, получившим многомиллионное наследство. «Их мнения, – замечает американский критик, – о том, каким образом страна должна пользоваться своей армией, своим флотом, своим кредитом и своими традициями, имели более веское влияние, чем мнения всех государственных деятелей, философов и профессоров страны».

Здесь мы видим еще раз проявление одного из крупных требований настоящей минуты, т. е. необходимость найти верование, которое было бы принято всеми и заменило бы собой прежние верования, управлявшие людьми до настоящего времени.

*Резюмируем эту и предыдущую главы:* цивилизации всегда покоились на небольшом числе, верований, чрезвычайно медленно образующихся и очень медленно исчезающих; верование не может привиться или, по меньшей мере, достаточно проникнуть в умы, чтобы стать руководящим началом, если оно более или менее не связано с предшествующими верованиями; современный человек наследственно владеет верованиями, еще служащими основанием его учреждений и морали, но настоящее время находящимися в постоянной борьбе с его разумом. Отсюда единственный для него выход: стараться выработать новые догматы, связанные в достаточной мере с прежними верованиями и, вместе с тем, согласованные с его современными понятиями. В этом-то противоречии между прошлым и настоящим, т. е.

<sup>30</sup> Военно-политический союз (1891–1917), противостоящий Тройственному союзу.

<sup>31</sup> Имеется в виду война 1898 года.

<sup>32</sup> Война 1868–1878 гг. против колонизаторов Испании.

между безотчетными влечениями нашей Души и нашими сознательными размышлениями, и коренятся причины современной анархии умов.

Обратится ли социализм в новое вероучение, способное заменить прежние верования? Для успеха ему не достает магической способности, создающей представления о будущей жизни и составляющей до сих пор главную силу великих религий, завоевавших мир и продолжавшихся долго. Все блага, обещаемые социализмом, должны осуществиться на земле. Но осуществление таких обещаний неминуемо натолкнется на экономические и психологические препятствия, устранить которые не в силах человека. Поэтому момент водворения социализма будет вместе с тем и началом его падения. Социализм может восторжествовать только на минуту, как торжествовали гуманитарные идеи во времена французской революции; но затем он быстро погибнет в кровавых переворотах, так как душу народов нельзя возмущать безнаказанно. Таким образом, социализм может образовать собой одно из таких мимолетных вероучений, возникающих и исчезающих на протяжении одного и того же века, которые служат только для подготовки или для возобновления других верований, более подходящих и к природе человека и к разным потребностям, которым должны подчиняться общества. Только рассматривая социализм с этой точки зрения, т. е. как разрушительную силу, которой суждено подготовить расцвет новых догматов, наше потомство, может быть, не признает роль его безусловно губительной.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРЕМЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА ПРИНЯТЬ ФОРМУ ВЕРОУЧЕНИЯ

§ 1. *В настоящее время социализм стремится, заменить собой старые верования.* Религиозная эволюция социализма. В чем успех социалистических понятий как верований религиозных, связанных с прежними верованиями. Религиозное чувство – неискоренимый инстинкт. Человек ищет не свободы, а умственного рабства. Новая доктрина отвечает запросам и надеждам нашего времени. Бессилие защитников старых догм. Малоценность социалистических догм с научной стороны не может вредить их распространению, великие религиозные, верования, управлявшие человечеством, никогда не были плодом разума.

§ 2. *Распространение верований. Их проповедники.* Роль проповедников в созидании верований. Их средства для убеждения. Важность роли галлюцинов. Религиозный склад ума проповедников социализма. Недоступные всяким доводам разума, они жаждут распространения своей веры. Их возбужденность, преданность, простодушие и потребность разрушать. По своей психологии они не отличаются от проповедников верований во все времена. Боссюэ и драгонады, Торкве-мада и Робеспьер. Гибельная роль филантропов. Почему не следует смешивать проповедников социализма с обыкновенными умалишенными преступниками. Проповедникам социализма помогают вырождающиеся разных классов.

§ 3. *Распространение верований среди толпы.* Всякие понятия – политические, религиозные или социальные в конце концов укореняются в народных массах. Характер толпы. Она никогда не руководствуется личными интересами. Лишь толпа проявляет коллективные интересы рас. Лишь при посредстве толпы возможна деятельность на общую пользу, требующая слепой преданности. Видимая насильственность и действительный консерватизм толпы. Не легкомысленная подвижность, а устойчивость господствует над толпой. Почему социализм не может долго соблазнять народные массы.

### § 1. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СОЦИАЛИЗМ СТРЕМИТСЯ ЗАМЕНИТЬ СОБОЙ СТАРЫЕ ВЕРОВАНИЯ.

Рассмотрев роль наших верований и давность их возникновения, мы достаточно подготовлены, чтобы понять религиозную эволюцию, которую переживает современный социализм и которая, несомненно, составит наиболее серьезный элемент в его успехе. Мы показали уже в другом нашем труде о психологии толпы, что убеждения масс стремятся всегда принять религиозную форму. Толпа не способна ни к критике, ни к скептицизму. *Символ веры*, политический, религиозный или социальный, принятый толпой, усваивается ею и всегда усердно читается без рассуждений.

Мы рассматриваем в этой главе не философское или экономическое достоинство новых доктрин, а исключительно впечатление, производимое ими на умы. Мы много раз повторяли, что успех вероучения совершения не зависит от доли истины или заблуждения, заключающихся в нем, но исключительно от возбуждаемых им чувств и доверия, которое оно внушает. История всех верований представляет тому очевидные доказательства.

Как религиозные вероучения идеи социализма в своей будущности имеют неоспоримые данные для успеха. Во-первых, идеям этим не придется много бороться с прежними верованиями, так как последние и сами уже исчезают. Во-вторых, эти идеи представляются в такой простой форме, что легко воспринимаются всеми умами. Наконец, в третьих, они легко и удобно связываются с предшествующими верованиями, и потому без затруднения могут их заменить. Действительно, мы уже показали, что доктрины христианских социалистов почти одинаковы с доктринами других социалистов.

Первое условие – исчезновение предшествующих верований – представляется существенным. Человечество до настоящего времени не могло жить без верований. Как только старая религия начинает исчезать, является на смену новая. Религиозное чувство, т. е. потребность подчиняться той или другой вере божественного, политического или социального характера составляет один из наших самых повелительных инстинктов. Человеку нужно верование для машинального направления своей жизни, для избежания всяких усилий, сопряженных с размышлением. Не к свободе, а скорее к порабощению мысли стремится человек. Ему удается иногда избавиться от угнетающего господства тиранов, но как может он освободиться еще от гораздо более повелительного господства своих верований? Сначала они служат выражением потребностей и особенно надежд человека, затем эти потребности и надежды изменяются под влиянием верований, и последние кончают тем, что управляют областью его инстинктивных стремлений.

Новая доктрина вполне отвечает современным желаниям и надеждам. Она появилась как раз в то время, когда умирают религиозные и социальные верования, которыми жили наши отцы, и готова возобновить прежние обещания. Уже одно название доктрины есть магическое слово, заключающее в себе, подобно раю древних времен, наши мечты и надежды. Как ни ничтожна ее ценность, и как ни сомнительно ее осуществление, она составляет новый идеал, которому будет принадлежать, по крайней мере, заслуга возврата человеку надежды, которой боги ему больше не дают, и иллюзий, отнятых у него наукой.

Если допустить, что еще долго счастье человека должно заключаться в удивительной способности создавать божества и верить в них, то нельзя не признать важности новой догмы.

Обманчивый призрак растет с каждым днем, и могущество его становится все более и более внушительным. Старые догмы потеряли свою мощь, алтари прежних богов опустели, семья распадается, учреждения разваливаются, иерархии исчезают. Один лишь социалистический мираж развертывается на развалинах, нагромождающихся повсюду. Он распространяется, не встречая особенно сильных порицателей. Тогда как последователи его являются ярыми убежденными проповедниками, проникнутыми, подобно ученикам Христа, верой в новый идеал, способный возродить мир, робкие защитники старого общественного строя, напротив, очень слабо убеждены в правоте своего дела. Вся их защита – не что иное, как томительное переживание древних таинственных богословских и экономических формул, давно затасканных и потерявших всякую силу. Сами защитники производят впечатление мумий, пытающихся пошевелиться под обвивающими их повязками. В отчете об одном из академических конкурсов Леон Сэ указал на удивительное ничтожество представленных на конкурс сочинений, претендующих опровергнуть социализм, несмотря на значительность предложенного вознаграждения. Защитники язычества были столь же немощны, когда новое божество, явившееся из равнин Галилеи на смену древних покачнувшихся богов, нанесло им последний решительный удар.

Несомненно, что новые верования не имеют логического основания; но какие же верования за все время существования человечества опирались на логику? Большинство из них, тем не менее, положило начало расцвету блестящих цивилизаций. Неразумное, упрочиваясь, становится разумным, и человек кончает тем, что свыкается с ним. Общества основываются на желаниях, верованиях, потребностях, т. е. на чувствах, и никогда – на доводах разума, или на каком-либо подобии их. Развитие этих чувств, конечно, следует некоторой скрытой логике, законы которой еще никому неизвестны.

Ни одно из крупных верований, руководивших человечеством, не происходило от разума, и если каждое из них подчинялось общему закону, по которому религии и царства приходят в упадок и умирают, то точно так же не разум привел их к концу.

То, чем в высокой степени обладают верования, и чем разум не будет владеть никогда – это удивительная способность связывать между собой вещи, не имеющие никакой связи, превращать самые явные заблуждения в самые очевидные истины, поработать людей, очаровывая их сердца, и в конце концов преобразовывать цивилизации и государства. Верования эти не подчиняются логике, но управляют историей.

При соблазнительных сторонах новых учений, чрезвычайной их простоте, делающей их доступными для всех умов, при современной ненависти народных масс к обладателям богатств и власти, при безусловной политической возможности изменять, благодаря всеобщей подаче избирательных голосов, учреждений, которыми эти классы владеют, – при таких, повторяю я, исключительно благоприятных условиях распространения новых учений можно спросить себя: почему успех их сравнительно так медлен, и какие таинственные силы руководят их ходом? Сказанное нами выше относительно происхождения наших верований и медленности их изменения служит ответом на этот вопрос.

## § 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕРОВАНИЙ. ИХ ПРОПОВЕДНИКИ.

В настоящее время мы видим разработку социалистической религии, Мы можем при этом изучить действие ее проповедников и всех главных факторов, роль которых была ранее указана: несбыточных мечтаний, слов и формул, утверждений, повторений, обаяния и заразительности.

Социализм, может быть, восторжествует на короткое время, главным образом благодаря своим проповедникам. Одни лишь они, эти убежденные люди имеют рвение, необходимое для создания веры – этой магической силы, преобразовавшей в разные времена мир. Они владеют искусством убеждать, искусством одновременно и тонким и простым, законам которого ни в каких книгах выучиться нельзя. Они знают, что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знают, как возбудить и развить эти чувства.

Необязательно число этих апостолов должно быть очень велико для выполнения их задачи. Надо вспомнить, какое небольшое число ревнителей было достаточно для возбуждения столь крупного движения, как крестовые походы – события, быть может, более чудесного, чем насаждение какой-либо религии, так как миллионы людей были доведены до того, что бросили все, чтобы устремиться на Восток, и возобновляли не раз это движение, Несмотря на самые крупные неудачи и жесточайшие лишения.

Каковы бы ни были верования, управлявшие миром, – христианство, буддизм, магометанство или просто какие-либо политические учения вроде тех, какие руководили французской революцией, – они распространялись усилиями именно этой категории убежденных проповедников, которых называют апостолами. Загипнотизированные поработившей их верой, они готовы на все жертвы для ее распространения и кончают даже тем, что исключительной целью своей жизни ставят воцарение этой веры. Эти люди находятся как в полубреду, изучение их требует патологического исследования их умственного состояния, но, несмотря на это, они всегда играли в истории громадную роль.

Такие люди появляются главным образом из среды умов, одаренных религиозным инстинктом, характерным тем, что человек чувствует потребность подчиняться какому-либо существу или символу веры, и жертвовать собой для торжества предмета своего поклонения.

Религиозный инстинкт как чувство бессознательное сохраняется, конечно, и тогда, когда исчезнет верование, поддерживавшее его в начале. Апостолы-социалисты, проклинающие или отвергающие старые христианские догмы, тем не менее остаются в высшей степени религиозными. Существо их веры изменилось, но они остаются под влиянием всех наследственных инстинктов своей расы. Ожидаемый ими на земле общественный рай весьма близок к раю небесному наших праотцов. В этих наивных умах, вполне подчиненных

наследственности, старый деизм воплотился в земную форму государства, обладающего силой провидения, исправляющего все несправедливости и всемогущего, подобно древним богам. Человек меняет иногда своих кумиров, но как он может разрушить наследственные формы породивших их представлений?

Итак, апостол всегда представляет собой религиозно настроенный ум, одержимый желанием распространить свое верование; но вместе с тем и прежде всего, это ум простой, совершенно неподдающийся влиянию доводов разума. Его логика элементарна. Законы и всякие разъяснения совершенно недоступны его пониманию. Можно составить себе вполне определенное понятие о его воззрениях, просмотрев интересные выдержки из ста семидесяти автобиографий воинствующих социалистов, напечатанных недавно одним писателем из их среды, Гамоном. Среди них находятся люди, исповедующие крайне различные между собой учения; так, анархизм представляет собой не что иное, как крайнюю форму индивидуализма, по которой всякое правительство подлежит уничтожению, и каждый человек должен быть предоставлен самому себе, между тем как коллективизм рекомендует полное подчинение человека государству. Но на практике это различие, впрочем, едва замечаемое проповедниками, совершенно исчезает. Последователи разных форм социализма проявляют одну и ту же ненависть к существующему общественному строю, капиталу, буржуазии и предлагают одни и те же средства для их разрушения. Самые мирные секты социализма добиваются только конфискации богатств у их обладателей; самые боевые, кроме такого грабежа, настаивают еще и на истреблении побежденных.

Что их разглагольствования изобличают лучше всего – это их простодушную наивность. Ничто их не затрудняет. Для них ничего нет легче, как перестроить общество: «стоит только свергнуть революционным путем правительство, отнять социальные богатства у их обладателей и предоставить всё в распоряжение всех... Общество, в котором исчезло различие между капиталистом и работником, не нуждается в правительстве».

Все более и более поддаваясь гипнозу двух или трех непрестанно повторяемых формул, проповедник-социалист чувствует жгучую потребность распространять свою веру и поведать всему свету добрую весть, призванную вывести человечество из заблуждения, в котором оно коснело до его пришествия. Разве не блещет сиянием свет этого нового учения, и кто, кроме злых и бесчестных людей, не будет привлечен этим светом?

Гамон пишет: «Под влиянием горячего стремления вербовать себе последователей, проповедники-социалисты не останавливаются ни перед какими страданиями, проповедуя свои идеи. Ради идеи они порывают свои семейные и дружеские связи; они теряют свои места, свои средства существования. В своем усердии они готовы дойти до тюрьмы, каторги и смерти; они хотят осуществить свой идеал и спасти помимо их желаний народные массы. Они похожи на террористов 1793 года, которые из любви к человечеству убивали людей».

Установлено, что социалисты-проповедники всех толков и сект одинаково одержимы жаждой разрушения. Один из них, указываемый Гамоном, желает разрушить все памятники и особенно церкви, будучи убежден, что этим разрушатся спиритуалистические религии. Впрочем, этот наивный разрушитель лишь следует знаменитым примерам. Христианский император Феодосий рассуждал не иначе, когда в 389 г. по Р.Х. разрушил все религиозные памятники Египта, сооружавшиеся в течение 6000 лет на берегах Нила. Устояли только очень прочные, не поддававшиеся разрушению стены и колонны.

По-видимому, почти во все времена имел силу общий психологический закон, по которому нельзя быть апостолом чего-либо, не ощущая настойчивой потребности кого-либо умертвить или что-либо разрушить.

Проповедник, обрушивающийся только на памятники, относится к числу сравнительно безобидных, но, очевидно, не особенно фанатичных. Истинный апостол не довольствуется такими полумерами. Он признает необходимым вслед за разрушением храмов лжебо-

гов уничтожить и их поклонников. Какое значение имеют кровавые жертвы, когда речь идет о возрождении рода человеческого, о водворении истины и уничтожении заблуждения? Не очевидно ли, что лучшее средство избавиться от неверных – это умертвить гуртом всех, кто встает поперек пути, оставив в живых только проповедников и их учеников. В этом и состоит программа искренно убежденных, презирающих лицемерные и пошлые сделки с ересью.

К несчастью, еретики оказывают еще некоторое сопротивление, и в ожидании возможности их истребить приходится поневоле довольствоваться единичными убийствами и угрозами. Эти последние, впрочем, очень решительны и не оставляют никакого сомнения в предстоящих избиениях. Один передовой итальянский социалист, как говорит Гарофало, резюмирует свою программу так: «Мы перережем тех, кого встретим с оружием в руках, сбросим с высоты балконов или выбросим в море стариков, женщин и детей».

Эти приемы новых фанатиков совсем не новы; они практиковались всегда в тех же формах в разные периоды истории. Все апостолы в тех же выражениях выступали против нечестия своих противников, и как только получали власть, применяли к ним те же средства для энергичного и быстрого разрушения. Магомет обращал неверных мечом, инквизиторы – огнем, Конвент – гильотиной, наши современные анархисты – динамитом. Только способы истребления несколько изменились.

Что наиболее прискорбно в этих взрывах фанатизма, которые временами должно переносить общество, это то, что среди убежденных самый высокий ум бессилен против дикого увлечения своей верой. Наши современные анархисты говорят и действуют так же, как Боссюэ в отношении к еретикам, когда он начал против них поход, приведший к их истреблению и изгнанию. Какими только резкими словами не громил знаменитый прелат врагов своей веры, «которые готовы скорее коснеть в своем невежестве, чем сознаться в нем, лучше питать в своем строптивом уме свободу мыслить все, что им вздумается, чем покориться божественной власти». Нужно прочитать в письменных свидетельствах того времени, с какой дикой радостью были приняты духовенством отмена Нантского эдикта Людовиком XIV (1685 г.) и драгонады.<sup>33</sup> Епископы и набожный Боссюэ от энтузиазма были как в бреду. Последний, обращаясь к Людовику XIV, говорил: «Вы истребили еретиков; это самое достойное дело вашего царствования, это венец его».

Истребление было действительно достаточно полное. Это «достойное дело» имело результатом переселение около 400 тысяч французов (кроме громадного числа стойких протестантов, погибших на медленном огне, четвертованных, повешенных, выпотрошенных или сосланных на королевские галеры). Инквизиция не менее того опустошила Испанию, а Конвент – Францию. Этот последний тоже обладал полнотой истины и старался искоренить заблуждения. Он всегда гораздо более походил на церковный собор, чем на политическое собрание.

Легко объяснить себе опустошения, совершенные всеми этими ужасными истребителями людей, когда умеешь читать в их душе. Торквемада, Боссюэ, Марат, Робеспьер – все они считали себя кроткими филантропами, мечтающими лишь о участии человечества. Филантропы религиозные, филантропы политические, филантропы социальные принадлежат к одному и тому же семейству. Они себя вполне искренно считают друзьями человечества, тогда как на самом деле они всегда оказывались самыми опасными его врагами. Слепой фанатизм правоверных делает их значительно опаснее хищных зверей.

Современные психиатры полагают вообще, что фанатики социализма, составляющие авангард, принадлежат к особому типу преступников, которых они называют прирожденными преступниками. Но такое определение уж очень поверхностно и чаще всего совер-

---

<sup>33</sup> Драгонады – военные постои из драгун, которые должны были по замыслу правительства Людовика XIV обращать гугенотов в католичество. Драгонады продолжались и после отмены Нантского эдикта.

шенно неправильно, так как охватывает разные классы людей, из которых большая часть не имеет никакой родственной связи с настоящими преступниками. Что среди распространителей новой веры встречаются люди преступного типа – в этом нет сомнения, но большинство преступников, выдающих себя за социалистов-анархистов, делает это только для того, чтобы придать обыкновенным преступлениям политическую окраску. Истинные проповедники могут совершать деяния, которые справедливо признаются законом преступными, но которые с психологической точки зрения не заключают в себе ничего преступного. Деяния эти совершаются не только без всякого личного интереса, составляющего существенный признак настоящего преступления, но чаще всего они даже прямо противоположны самым очевидным их интересам. Проповедники эти представляют собой первобытные и мистические умы, совершенно не способные рассуждать, поглощенные религиозным чувством, которое заглушило у них всякую мыслительную способность. Они действительно очень опасны, и общество, не желающее быть разрушенным ими, должно старательно их удалять из своей среды. Но умственное их состояние гораздо более подлежит ведению психиатра, чем криминалиста.

История полна их подвигами, так как они представляют собой особый психологический тип, существовавший во все времена.

Чезаре Ломброзо<sup>34</sup> говорит: «Душевнобольные с альтруистическими наклонностями появлялись во все времена, даже в эпоху варварства, но тогда пищу свою они находили в религиях. Позднее они бросились в политические партии и антимоноархические заговоры своей эпохи. Сперва это были крестоносцы, потом бунтовщики, потом странствующие рыцари, потом мученики за веру или за безбожие.

В наше время, и особенно в латинской расе, как только появится такой фанатик-альтруист, он тут же находит возможную пищу для своих страстей на социальной и экономической почве.

И на этой почве свободное поле энтузиазму фанатиков почти всегда открывают самые спорные и наименее верные идеи. Вы найдете сто фанатиков для решения богословского или метафизического вопроса и не найдете ни одного для решения геометрической задачи. Чем страннее и безрассуднее идея, тем большее число душевнобольных и истеричных людей она увлекает, особенно из среды политических партий, где каждый частный успех обращается в публичную неудачу или торжество, и эта идея поддерживает фанатиков в течение всей их жизни и служит им компенсацией за жизнь, которую они теряют, или за переносимые ими муки».

Наряду с описанной нами категорией проповедников, необходимых распространителей всяких верований, существуют менее значительные разновидности, у которых гипноз проявляется только в одном каком-либо пункте. Повседневно встречаются очень умные люди, даже выдающиеся, теряющие способность рассуждать, когда дело касается некоторых вопросов. Увлеченные тогда своей политической или религиозной страстью, они обнаруживают изумительное непонимание и нетерпимость. Это случайные фанатики, фанатизм которых становится опасным лишь тогда, когда его раздражают. Они рассуждают с умеренностью и ясностью о всем, кроме тех вопросов, которые соприкасаются с охватившей их страстью – единственным руководителем их в этих случаях. На этой ограниченной почве они встают со всей яростью преследования, свойственной настоящим проповедникам, которые находят в них в критические моменты помощников, полных ослепления и пылкого усердия.

Существует, наконец, еще и другая категория фанатиков социализма, не увлекающихся одной идеей и даже не отличающихся особенной стойкостью веры. Эта категория принадлежит к обширной семье дегенератов. Занимая, благодаря своим наследственным физическим

<sup>34</sup> Ломброзо Ч. «Гениальность и помешательство».

или умственным порокам, низшие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они – естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение. Эти уродливые жертвы наследственности, которыми мы займемся в главе о «неприспособленных», значительно пополняют ряды проповедников. Особенность наших современных цивилизаций заключается, несомненно, в том, что они создают и, по странной иронии гуманности, поддерживают с самой близоручкой заботливостью все более и более возрастающий запас разных общественных отбросов, под тяжестью которых рухнут, быть может, и сами эти цивилизации.

Новая религия, представляемая социализмом, вступает в такую фазу, когда распространение ее учения совершается апостолами, около которых появляются уже мученики, придающие ей новый элемент успеха. Вслед за последними казнями анархистов в Париже, полиция должна была принять меры против набожного паломничества на могилы этих жертв и продажи их изображений, украшенных всякими религиозными атрибутами. Фетишизм, самый древний из всех культов, может быть, окажется и последним. Народу всегда нужны какие-нибудь кумиры, воплощающие его мечты, желания и ненависть.

Таким-то образом распространяются догмы, и никакое рассуждение не может бороться против них. Сила их неодолима, так как она опирается на вековую неразвитость и низость умственного уровня толпы и, вместе с тем, на вечный призрак счастья, мираж которого манит людей и мешает им видеть непреодолимые границы, отделяющие мечты от действительности.

### § 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕРОВАНИЙ СРЕДИ ТОЛПЫ.

Рассмотрев подробно в двух предшествующих моих трудах механизм распространения верований, я только могу направить читателя к этим трудам.<sup>35</sup> Из них он узнает, каким образом все цивилизации возникают под влиянием небольшого числа основных идей, которые после ряда превращений кончают тем, что укореняются в народной душе в виде верований. Сам процесс этого укоренения имеет громадное значение, так как идеи только тогда приобретают все свое социальное значение, благотворное или вредное, когда они достаточно упрочились в душе народа. Тогда и только тогда они становятся общим достоянием, затем – незыблемыми верованиями, т. е. существеннейшими факторами религий, революций и изменений цивилизации.

Именно в душе народной, этой основной почве, и укрепляются корни всех наших понятий: метафизических, политических, религиозных и социальных. Следовательно, весьма важно основательно изучить эту почву. Поэтому изучение самого процесса умственного развития народов и психологии толпы нам казалось необходимым предисловием к изучению социализма. Это изучение было тем более необходимо, что указанные столь важные вопросы, особенно последний, были очень плохо исследованы.

Редкие писатели, изучавшие толпу, приходили к заключениям, часто противоположным действительности или по крайней мере отличающимся односторонностью в вопросе, имеющем несколько сторон. Они в большинстве случаев видели в толпе только «хищного, кровожадного, ненасытного зверя». Когда мы глубже вникнем в вопрос, то найдем, что наихудшие неистовства, которым предавалась толпа, исходят весьма часто из самых великодушных и бескорыстных побуждений, и что толпа одинаково легко обращается и в жертву, и в палача. Книга, озаглавленная «Добродетельная толпа», могла бы быть так же оправдана, как и книга под заглавием «Преступная толпа». Я обстоятельно настаивал на том, что одна из

<sup>35</sup> «Психологические законы эволюции народов», «Психология народов и масс».

основных особенностей, отличающих всего более отдельную личность от толпы, состоит в том, что первая почти всегда руководствуется личным интересом, тогда как толпа редко подчиняется эгоистическим побуждениям, а чаще всего повинуетя интересам общественным и бескорыстным. Героизм, самозабвение значительно чаще присущи толпе, чем отдельным людям. В основе всякой коллективной жестокости очень часто лежит верование, идея справедливости, потребность в нравственном удовлетворении, полное забвение личного интереса, жертва общему интересу, т. е. как раз полная противоположность эгоизму.

Толпа может сделаться жестокой, но она прежде всего альтруистична и так же легко пойдет на самопожертвование, как и на разрушение. Управляемая своими бессознательными инстинктами, толпа имеет нравственный склад и великодушие, стремящиеся всегда к проявлению на деле, тогда как те же качества у отдельных людей остаются вообще созерцательными и ограничиваются одними разговорами. Размышление и рассуждение приводят чаще всего к эгоизму. Этот эгоизм, которым столь глубоко проникнуты отдельные люди, неизвестен толпе как раз потому, что она не способна ни размышлять, ни рассуждать. Целые армии рассуждающих и делающих умозаключения приверженцев не могли бы создать ни религий, ни государств. Очень мало нашлось бы в таких армиях солдат, способных жертвовать своей жизнью для успеха своего дела.

Нельзя хорошо понимать, историю, не имея постоянно в виду, что мораль и поведение отдельного человека сильно отличаются от морали и поведения того же человека, когда он представляет собой часть коллектива. Лишь толпой поддерживаются общие интересы расы, которые всегда заставляют в большей или меньшей мере забывать личный интерес. Полнейший альтруизм – на деле, а не на словах – составляет добродетель коллективную. Всякое дело общего интереса, требующее для своего выполнения наименьшего эгоизма и наибольшей слепой преданности, самоотвержения и самопожертвования, может совершаться почти только толпой.

Несмотря на свойственные толпе скоропреходящие неистовства, она всегда оказывалась способной перенести все. Фанатики и тираны всех времен всегда без затруднений находили толпу, готовую идти на смерть в защиту какого угодно дела. Толпа никогда не выказывала упорного сопротивления никакой тирании – религиозной или политической, тирании живых или тирании мертвых. Чтобы овладеть толпой, достаточно заставить ее полюбить себя или возбудить боязнь к себе. Этого скорее можно достичь обаянием престижа, чем силой.

В редких случаях – минутные вспышки неистовства толпы, и гораздо чаще – ее слепая покорность – суть две взаимно противоположные характерные ее черты, которые не следует разделять, если хочешь понять душу народных масс. Проявления неистовства толпы подобны шумным волнам, поднимающимся в бурю на поверхности океана, но ненарушающим спокойствия в глубине его. Волнения толпы имеют также под собой прочный фундамент, который не может быть задет движениями на поверхности. Он создан наследственными инстинктами, совокупность которых составляет душу расы. Эта глубокая основа тем прочнее, чем раса древнее, и, следовательно, чем она устойчивее.

Социалисты полагают, что они легко могут увлечь толпу, но они скоро убедятся, что в этой среде они найдут не союзников, а самых упорных противников. Несомненно, может случиться, что разъяренная толпа когда-нибудь произведет страшное потрясение общественного строя, но на другой же день она восторженно встретит первого окруженного военным блеском Цезаря, который обещает ей восстановить все, что ею же было разрушено. Господствующим свойством толпы у народов, имеющих долгое прошлое, является в действительности устойчивость, но никак не изменчивость. Ее разрушительные революционные инстинкты мимолетны, ее консервативные инстинкты отличаются крайним упорством. Инстинкты разрушения могут способствовать минутному успеху социализма, но инстинкты

консервативные не допустят продолжения этого успеха. В его торжестве, как в его падении, никакие тяжеловесные аргументации теоретиков не будут играть никакой роли. Еще не пробил час, когда логика и разум будут призваны руководить сцеплениями исторических событий.

## КНИГА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИЗМ У РАЗНЫХ РАС

### ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ

§ 1. *Теоретические основания социализма в Германии.* Научные формы германского социализма. Различие между основными положениями социализма у народов германской и латинской рас. Латинский рационализм и понятие о мире как о развивающемся организме. При разных исходных точках социалисты латинские и германские приходят к одинаковым практическим выводам.

§ 2. *Современное развитие социализма в Германии.* Искусственность путей, приведших Германию к социалистическим воззрениям, тождественным с воззрениями латинской расы. Перемены в духе германской расы вследствие общей воинской повинности. Постепенное возрастание государственной опеки в Германии. Современное видоизменение социализма в Германии. Оставление прежних теорий. Безвредные формы, которые стремится принять германский социализм.

#### § 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ.

В настоящее время социализм получил наибольшее распространение в Германии, особенно в средних и высших классах. История его в этой стране выходит из рамок этого труда. Если я и посвящаю социализму в Германии несколько страниц, то единственно потому, что развитие его может на первый взгляд как бы противоречить нашей теории о тесной связи между социальными воззрениями народа с одной стороны и его духом – с другой. Существует, конечно, очень глубокое различие между духом рас латинской и германской, и, несмотря на это, социалисты обеих рас часто приходят к одинаковым воззрениям.

Прежде чем разъяснить, почему теоретики столь различных рас приходят иногда к заключениям почти одинаковым между собой, покажем сперва в кратких чертах, насколько разнятся приемы суждений теоретиков германских и латинских.

После того, как в течение продолжительного времени немцы вдохновлялись французскими идеями, они в свою очередь сами стали их вдохновителями. Их временным верховным жрецом (немцы их меняют часто) был в течение долгого времени Карл Маркс. В основном он пытался облечь в научную форму старые, изношенные умозрения, заимствованные, как то очень хорошо показал Поль Дешанель,<sup>36</sup> у французских и английских писателей.

Маркс, пренебрегаемый ныне даже своими старыми учениками, был в течение более 30 лет теоретиком немецкого социализма. Научная форма его сочинений и их неясность были очень соблазнительны для методического и вместе с тем туманного ума немцев. Основанием своей системы он хотел принять закон развития Гегеля и закон борьбы за существование Дарвина. По его мнению, руководит обществами не жажда справедливости или равенства, а потребность в пище, и главнейший фактор развития – это борьба за пропитание. Между разными классами всегда происходит борьба, но она видоизменяется вместе с техническими открытиями. Использование машин уничтожило феодальный строй и обеспечило торжество третьего сословия. Развитие крупной промышленности разделило людей на два новых класса: рабочих-производителей и капиталистов-эксплуататоров. По мнению Маркса, хозяин обогащается за счет работника, уделяя ему только возможно малую часть ценностей,

---

<sup>36</sup> Поль Дешанель – член французской Академии наук, генеральный советник и депутат, президент свободного колледжа социальных наук. Сотрудничал в журналах «les Jounal des Debats», «le Temps». Автор многочисленных эссе в области бизнеса и политики и работы «Социальный вопрос» (1898).

добытых его трудом. Капитал – это вампир, сосущий кровь рабочего. Богатство капиталистов-эксплуататоров безостановочно растет по мере того, как возрастает нищета рабочих. Эксплуататоры и эксплуатируемые близятся к взаимно истребительной войне, результатом которой будет уничтожение буржуазии, диктатура пролетариата и водворение коммунизма.

Большая часть этих утверждений не выдержала критики, и в настоящее время в Германии о них почти уже и не спорят. Они сохранили свой престиж только в латинских странах и служат там еще опорой коллективизма.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.